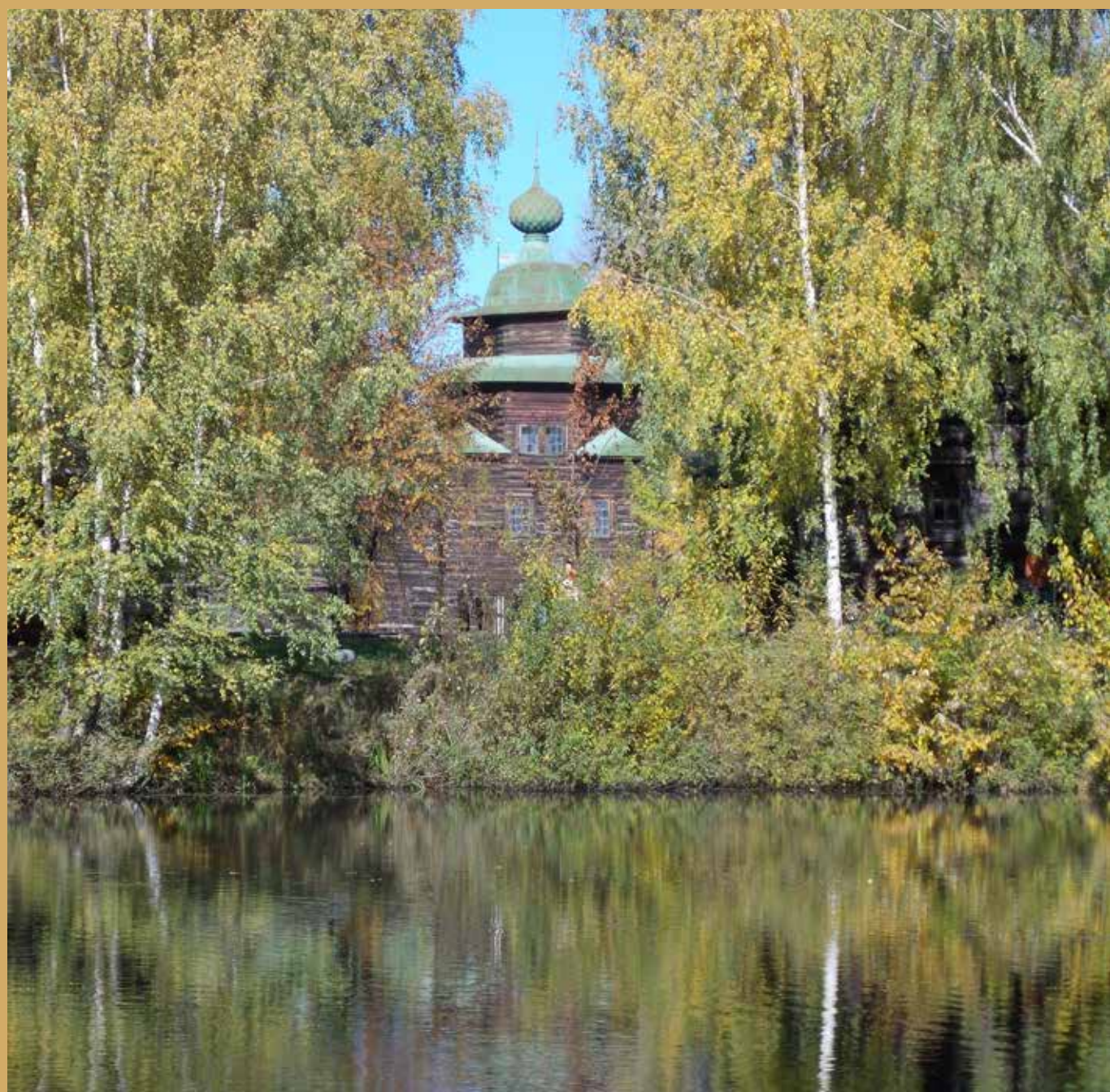

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

КОСТРОМСКАЯ ГЛОБОДА

№1 (12) 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНЫЙ МОТИВ

Андрей Митин. Природное наследие «Костромской слободы» 3

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Сергей Уткин. Из истории Стрелки рек Волги и Костромы..... 5

Евгений Новиков. Духовная жизнь поволжской деревни в 1930-1950-е годы 16

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Сергей Пиляк. 160 лет дому Митрия Константиновича Липатова..... 21

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

Василий Шутов. О народных названиях целебных растений нашего края..... 27

Татьяна Гончарова. Народная ботаника в обычаях и верованиях костромских крестьян 31

ДРЕВНИЕ РЕМЁСЛА

Ольга Румянцева. Татьяна Криницына и ее кружево 43

Татьяна Криницына. Галичское кружево XVIII – XIX столетия..... 45

ЖИВОЙ МУЗЕЙ

Марина Крылова. Годовой праздник «Широкая Масленица» 57

Светлана Дерепазук. Вернисажи в Музейно-выставочном центре 62

Мастер-класс «Северная берегиня» 69

Андрей МИТИН,
директор Музея-заповедника
«Костромская слобода»

ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ «КОСТРОМСКОЙ СЛОБОДЫ»

Уважаемые читатели! Еще в начале 2016 года Президентом России был подписан указ, утверждающий 2017 год как Год экологии в России. Наш музей под открытым небом, включенный в особо охраняемую природную территорию – более 14 га, это одно из немногих мест на карте края, где можно пронаблюдать традиции природопользования с вековой давности до наших дней, увидеть целостную картину неразрушенного ландшафта костромской деревни. Уникальность раскрывающемуся пейзажу придают озера и протоки древней реки Игуменки, рощи и живописные луга, гармоничность рельефа. Слободская застройка, подчиненная руслу реки Игуменки, пример того, как обычно, располагались древние поселения Костромского края, возникавшие без малого тысячу лет назад на речных берегах.

Многообразная природа Костромской области хорошо представлена в Музее-заповеднике «Костромская слобода». Это липовые, березовые, тополиные рощи – типичные скорее для широколиственных лесов края, чем для костромской тайги. Но и сосны, пихты и лиственницы тоже встречаются у нас, правда, в единичных экземплярах. Зато растут деревья, занесённые в Красную книгу Костромской области: тополь черный, береза повислая, липа мелколистная, дуб черешчатый, клен ясенелистный. Среди травянистой растительности преобладают влаголюбивые виды: овсяница, тимopheевка, мятлик, с примесью бобовых – чины, клевера лугового, мышиного горошка. Многообразно разнотравье: тысячелистник, лютик, фиалка, пижма, вероника лекарственная, герань луговая и другие растения из Красной книги Костромской области. По берегам Игуменки растёт много целебных трав, цветение которых украшает пейзаж слободской улицы естественно

и гармонично. Водная растительность также богата краснокнижными видами, из которых кувшинки (кубышка желтая) являются самым ярким украшением речных протоков и прудов.

Нельзя сказать, что ландшафт музея-заповедника имеет исключительно природное происхождение. Территория его на Стрелке по сути, представляет собой юго-восточный уголок Костромской низины – заливные пойменные луга, отвоёванные у русла Волги Идоломской дамбой в середине XX века. А после этого была проведена большая работа – подсыпаны берега Игуменки, выкопаны мелиоративные каналы. Высокие деревья, украшающие музей, начали высаживать у монастырских стен ещё в 1950-х годах создатели сада школы № 10. Затем в работу включились музейные сотрудники, посадившие липы и берёзы с целью оживления пейзажа и создания прохладной тени для экскурсантов в знойный солнечный день. Разросшиеся деревца делают музейную территорию обжитой и уютной.

В Год экологии Музей-заповедник «Костромская слобода» представляет пример бережного отношения к природе, умелого антропогенного влияния на ландшафт. Музейная территория рассказывает сотням тысяч костромичей и гостей области о том, как внимательное отношение к природе и ее богатствам позволило создать одну из наиболее заметных культурных и туристических достопримечательностей Костромского края.

*Сергей УТКИН,
старший научный сотрудник
Музея-заповедника «Костромская слобода»*

ИЗ ИСТОРИИ СТРЕЛКИ РЕК ВОЛГИ И КОСТРОМЫ

Часть I

На протяжении столетий одним из самых интересных мест в окрестностях г. Костромы являлась территория Стрелки рек Волги и Костромы, где смыкаются восточный и южный рубежи знаменитой Костромской низины. До зарегулирования течения волжских и костромских вод между Ярославлем и Нижним Новгородом в середине 50-х годов XX века мыс Стрелки подходил вплотную к черте древнейшей части г. Костромы, туда, где соединялись потоки многоводной Волги, ее левого притока Костромы и неширокой, но быстрой речки Сулы.

От этого рубежа в обратном направлении мыс с каждой следующей верстой углублялся и расширялся все далее на северо-запад к селениям, стоящим на повороте р. Костромы: селам Яковлевское, Шунга и ряду деревень и пустошей, образуя тем самым большой равнинный полуостров со множеством мелких и средних водоемов: озер, речек, ручьев, канав, протоков, болотцев, а также заливных лугов и лесных урочищ. На немногочисленных возвышенных сухих местах в старину можно было видеть хлебные нивы, окружавшие островки сельских поселений.

Территория мыса издревле притягивала к себе взор человека и с незапамятных времен находилась в центре хозяйственно-экономических отношений как местного крестьянского населения, так и некоторых жителей г. Костромы, приходского и монастырского духовенства, представителей местной власти и иных лиц¹.

В памяти русского народа запечатлелись имена людей и связанные с ними исторические события, которые века назад здесь произошли. В этом отношении особую значимость имеет возвышающийся вблизи устья р. Костромы Ипатьевский монастырь, его ближайшая округа вместе с бывшей подмонастырской Богословской

(ныне Ипатьевской) слободой и территория за южной монастырской стеной, где в настоящее время по берегам речки Игуменки располагается один из старейших в России музеев деревянного зодчества. Этот очаг национальной памяти стоит на землях того самого летописного Ипацкого мыса, где скрещивались географические пути и вершились судьбы российской государственности.

Одно из наиболее ранних известий об этой местности содержится в семейном предании бояр Годуновых: о родоначальнике данной династии выходец из Орды князе Чете.

Информация о нем входит в родословцы бояр Годуновых, составленные в конце XVI в., а также в предания, бытовавшие ранее среди монахов Ипатьевской обители. Согласно этому преданию в 1330 году из Золотой Орды выехал на Русь знаменитый вельможа князь Чет. «Он ехал оттуда по Волге в Москву по собственному желанию принять русское подданство и устроиться для мирной и полезной службы в России. На этом пути, достигнув г. Костромы, князь Чет пленился красотой того живописного уголка, где р. Кострома впадает в Волгу и...остановился здесь для обычного отдыха или для восстановления своего здоровья, расстроенного от продолжительного плавания по Волге против ее течения.

И вот, во время отдохновения является этому князю в чудном видении Пресвятая Божия Матерь с предвечным Младенцем и с предстоящими в молитвенном состоянии св. апостолом Филиппом и священно мучеником Ипатием Гангрским. Это дивное видение и чудесное исцеление самого татарского вельможи от недуга...расположило его к христианской вере и укрепило в нем сердечное влечение к России. Прибыв в Москву, он получил св.крещение с именем Захарии... Желая увековечить память о чудном явлении Пресвятой Богородицы и в благодарность Господу Богу за духовное просвещение, Захария испросил у князя соизволение, а у митрополита благословение устроить на свои средства на месте видения ее обитель иноков во имя св. муч. Ипатия и храм в ней»².

Известные исследователи рода Годуновых и истории Ипатьевского монастыря С.Б.Веселовский и В.Г.Брюсова полагали, что Захария был исконно костромским боярином и состоял на службе у костромского князя, а впоследствии великого князя Владимирского Василия Ярославича, при этом он, возможно, действительно мог иметь татарское происхождение (Брюсова)³. Не исключено однако, что Захария являлся одним из новгородских бояр, перешедших на службу к Василию Ярославичу во время многочисленных походов последнего на Новгород Великий⁴.

Основанный Захарией монастырь в честь Святого Ипатия Гангрского очень скоро стал одной из крупнейших обителей Руси. Этому способствовало его выгодное расположение на перекрестке торговых путей: р.Кострома связывала монастырь с землями Русского Севера, р. Волга – со странами Востока, а проходившие здесь же Московско-Ярославская (на карте 1792 г. названа Ярославско-Галицкой) и Вологодская дороги делали возможным для обители (да и для костромичей) выходы к Центру России, а также к крупным торговым городам Севера: Галичу Мерьскому, Устюгу и Вологде.

Эта территория сохранилась до наших дней фактически в первозданном виде (за исключением водного режима). До возведения Идоломской дамбы в середине XX в. мыс был лишен какой-либо древесной растительности. Исклю-

чение составляли возвышенности, покрытые дубовыми и липовыми лесами. Здесь простирались обширные заливные луга, являвшиеся источником корма для скота как монастырского, так и принадлежавшего местным крестьянам, жителям заволжских селений (с.Селище) и горожанам. В многочисленных озерах в изобилии водилась рыба, столь важная для монашеской трапезы, а в лесных урочищах были бортные угодья, дававшие монастырю мед и воск. Остатки реликтовых дубрав еще в начале XIX столетия находились по восточному берегу озера Святого (в наши дни едва ли там наберется и десяток старых дубов)⁵ и на Севере от Андреевской слободы, в полуверсте от последней⁶.

И в наши дни эта земля сохранила свой исторический облик, несмотря на небольшие изменения, связанные с посадкой здесь в 1950 и 1980-е годы XX в. деревьев: липы, березы, осины и ели. С постройкой дамбы на мысу было засыпано озеро Дубенское, которое находилось где-то недалеко от юго-восточного участка ограждения нынешнего музея деревянного зодчества (примерно южнее установленных реставраторами ярусной часовни из дер. Притыкино Шарьинского района и столбовых мельниц из Солигаличского района Костромской области). Однако ряд озер, размещавшихся западнее от оз. Дубенского, уцелел. Среди них: озера Черное, Ворское, Линево, Святое, Мерское, Лубенское, Тепровское, Покровское, озеро

Заднее за селом Шунгой. Сохранилась и большая часть петляющего меж трав по лугам русла речки Игуменки, исток которой в прежние времена начинался в Святом озере, а воды свои она выводила в р. Кострому поблизости от Ипатьевского монастыря. В наши дни устье Игуменки перекрыто дамбой, но речка продолжает жить, в ней бьют ключи, сохраняются прежние глубины, обитают рыба, животные (например, ондатра), в последние годы наблюдались случаи появления здесь бобра и норки.

Первое упоминание р. Игуменки мы встречаем в документах из вотчинного архива Ипатьевского монастыря II половины XVI в.⁷ В верховьях Волги, в 24 км. к востоку от Твери с таким же названием имеется географический объект – село Игуменка, известный в истории тоже с XVI в. По распространенному в тех местах преданию селение считалось святым «так как рядом располагался монастырь, и здесь селились в основном верующие люди»⁸.

Вплоть до создания в середине XX в. Костромского водохранилища по Зареченской стрелке проходила так называемая старая Московско-Ярославская (Луговая) дорога. Протяженность ее до г. Ярославля составляла 61 версту. Начиналась она у переправы (у «Ипацкого перевоза», позже – наплавного моста) через р. Кострому. Еще в 10-е гг. XX в. этот путь от речного берега разделялся на

две дороги. Верхняя дорога от перевоза шла между Богословской (Ипатьевской) и Андреевской (ныне Рабочей)⁹ слободами, за селениями она продолжалась по полям до Святого озера и расположенной за ним на противоположном берегу одноименной деревушки. Минуя водную преграду, путь следовал далее до дер. Стрельниково, с. Шунга и с. Саметь. Данный участок Луговой Ярославской дороги шел по сухим возвышенным местам, в одной – полутора верстах от кромки волжского берега.

Второй участок Лугового Московско-Ярославского пути пролегал самой кромкой Костромской низины (с ее южной стороны). Путь также начинался от «Ипатцкого перевоза», проходил у северной стены Ипатьевского монастыря, огибал на повороте его северо-западную башню, плавно спускался в низину Стрелки, к деревянному мосту через р. Игуменку и далее теми же лугами он шёл до волжского берега. Здесь дорога поворачивала вправо и уже следовала вверх по берегу великой русской реки. Местами дорога подтапливалась рекой, и под колесами транспортных повозок, как сообщал в первой трети XIX в. один из русских путешественников, плескалась волжская вода¹⁰.

Вблизи с.Самети нижняя дорога делала неглубокий поворот к этому населенному пункту. За ним она соединялась с дорогой, шедшей параллельно ей по возвышенностям

Вид на Стрелку со стороны села Селище (с юга).

Вид на Стрелку с соборной колокольни.

и ранее называвшимся селениям, а далее вновь возвращалась к Волге, и еще многие версты, миновав Ярославский рубеж, она продолжала следовать до соседнего города¹¹.

Луговая дорога до Ярославля имела протяженность в 61 версту. Путь этот был удобен своим преимущественно песчаным грунтом, особенно в период затяжных дождей или таяния снега. Однако каждую весну с разливом рек Волги и Костромы оба участка названной дороги оказывались под водой, и сухопутный путь на левом Волжском берегу для людей был недоступен.

Во время «водополя» оживлялась Нагорная Ярославская дорога, которая проходила по правому (Нагорному) берегу Волги. Но этот путь был проложен на значительном удалении от волжского берега, его протяженность на 20 верст превышала протяженность Луговой левобережной дороги. Кроме того, Нагорный тракт местами проходил по тяжелой глинистой почве, что тоже не способствовало ускорению преодоления этого маршрута¹².

С возвышением Великого Московского княжества и вхождением костромских земель в его состав Кострома приобретает значение важного форпоста на северо-восточных рубежах Московской Руси, а проходившие здесь пути сообщения становятся очень ценными стратегическими объектами.

Когда во второй четверти XV века между потомками великого Московского князя Дмитрия Донского развернулась борьба за Мономахов венец, Костромская земля стала одной из арен этой тяжелой и продолжительной войны. Не один раз по Луговой Московско-Ярославской дороге продвигались в сторону Костромы дружины галицко-звенигородского князя Юрия Дмитриевича (сына Д. Донского), его сыновей князей Василия Косого и Дмитрия Шемяки, и войска противостоявшего им в этой борьбе великого Московского князя Василия II (Темного), приходившегося первому племянником, а его детям – двоюродным братом.

Один из этапов этого межкняжеского противостояния был связан с Ипатьевским мысом и

нашел свое отражение в Московском летописном своде конца XV столетия. Так, весной 1435 года Василий Косой, потерпев поражение от войска великого Московского князя в битве на р. Которосли под Ярославлем, вынужден был со своими людьми отступить к Костроме. Великий князь Василий Васильевич преследовал своего родственника, – «претендента» на Московский стол, по Старой Ярославской дороге и остановился на правом берегу реки Костромы, на Ипатцком мысу. Василий Косой поставил свою дружину на противоположном левом берегу. Как долго стояли друг против друга княжьи воины не известно. Стояние на мысу закончилось миром между братьями. «А князь великий слышав то поиде на него к Костроме и пришед ста на мысе у святого Ипатия, межи Волги и Костромы, и нелзе бяше битися им, межи бо их река Кострома. И взяша мир и дасть князь великий князю Василью город Дмитров в вотчину, а весна была тогда велми студена»¹³. По предположению костромского историка К.А. Булдакова, князья не повели свои дружины в бой из-за возможной непрочности речного льда и, вероятно, близившегося вскрытия рек¹⁴. Тем более до середины XX в. в данной местности ледоход всегда проходил стремительно и бурно. По мнению костромского церковного историка-краеведа П.Ф. Островского, мир между князьями был подписан в стенах Ипатьевского мнастыря¹⁵.

Еще раньше, за полвека до описанного события, за Волгу в Кострому спешил, от внезапно напавшего на Москву татарского хана Тохтамыша, дед Василия Темного – великий московский князь Дмитрий Донской. Сюда он вывозит и свою семью, здесь за широкой и стремительной Волгой он начинает собирать дружины для нанесения ответного удара врагу.

А спустя еще четверть века, вновь в заволжской Костроме, при сходной ситуации, когда к Москве подступила Орда Едигея, укрывался с семьей отец Василия Темного – великий московский князь Василий Дмитриевич. В дни особых критических ситуаций для Отечества опыт отцов наследникам гнезда Калиты пригодились¹⁶.

Возможно, власти Ипатьевского монастыря в 1435 году действительно повлияли на ситуацию военного противоборства братьев-князей, происходившего в устье р. Костромы, и при активной дипломатии монахов дело удалось уладить миром. Спустя 7 лет старцы получили от великого князя Василия Васильевича Жалованную подтвердительную грамоту на свое монопольное право осуществления «перевоза» через р. Кострому всех «градцких людей» костромичей и «всяких людей проезжих», в черте береговых границ монастыря. В данном документе очень интересны для нас пересказанные великокняжескими канцеляристами слова из челобитной ипатьевского игумена Феоноста. Он сетовал на то, что многие костромичи и всякие проезжие люди «возятся на реке на Костроме выше Ипатьева монастыря и ниже... и тыбы князь велел возити градцким людем Костромичом и всяким людем проезжим на реке на Костроме под Елпатьем, а выше Ипатцакого монастыря и ниже возити быся еси не велел ни кому»¹⁷. Слова приведенного выше источника свидетельствуют не только о нарушении законных прав насельников Ипатьевской обители при переправе через р. Кострому горожанами и иными лицами, но и о том, что эти нарушения носили систематический характер. В грамоте великого князя указывалось на одно из таких мест нелегального перевоза, которое находилось ниже монастыря по течению реки, видимо где-то у выхода ее в Волгу.

Не исключено, что речь идет о том месте, где осуществлялась переправа из города на противоположный правый волжский берег. Старейший перевоз через Волгу, несомненно, начинался поблизости от первого Костромского кремля, очевидно там, где в наши дни находится спуск к Волге по ул. Комсомольской (до начала XX в. ул. Вознесенская). На противоположном берегу реки симметрично «комсомольскому» спуску устроен спуск (а в обратном направлении – подъем) по ул. Московской, откуда собственно, как можно догадываться даже по названию улицы, в далекие эпохи и начиналась Нагорная Московско-Ярославская дорога. Между этими выходами к волжской переправе широким треугольником простирался Ипатьев-

ский мыс (он же Волжская стрелка). И устройство на этом месте переправы через речное русло с нашей точки зрения могло быть наиболее удобным для людей вариантом. Сначала переезжающим за Волгу из города требовалось пересечь русло неширокой р. Костромы, а затем по мысу выйти к волжскому перевозу. Вероятно, в таком виде переправа на Стрелке возникла еще в древности, задолго до появления на мысу Ипатьевского монастыря.

Очень похоже, что именно здесь на мысу, вблизи волжского городского перевоза начиналась та самая береговая (нижняя луговая) дорога на Ярославль и Москву, о которой мы говорили выше. Об этом лишний раз свидетельствуют указания грамоты Василия II Ипатьевскому монастырю (1442 г.), а также жалобы ипатьевских властей на многочисленные нарушения крестьянами и горожанами Костромы монополии монастыря на перевоз.

Панорамная фотография Стрелки Волги и Костромы начала XX в.¹⁸, сделанная с большой высоты, очевидно с кремлевского холма, а возможно и с колокольни кремлевского Богоявленского собора, отчетливо показывает, что удаляющаяся за пределы видимости фотообъектива кромка южного берега Ипатского мыса очень похожа на дорожный путь. На всем протяжении этой видимой на снимке береговой линии, на несколько сажень в ширину она свободна от какой-либо растительности и четко просматривается ее песчаная поверхность, в отличие от остальных видов Стрелки, зафиксированных на этой фотографии.

По всей видимости на фотографии изображена бичевая дорога («бичевник», «бечева»), по которой до перехода отечественных речных судов на паровую тягу бурлаки тянули на бичевах суда, продвигаясь против течения Волги по проложенной «бечевой» (береговой) дороге¹⁹. В документации Ипатьевского монастыря XVI века, при описании межевых границ в верховьях волжской Стрелки, в окрестностях с. Самети зафиксирован такой участок «бечевой» дороги на Волге. «Да Троецково ж Ипатцкова монастыря пожень, которые сошлись с чудовскими

с отписными пожениями Самицкова погоста смежно...Пожнею Ондреевскою на бечеве меж реки Волги и речки Воржи»²⁰. А с наступлением зимы, с замерзанием Волги, по ее льду по той же самой береговой (бечевой) дороге прокладывался зимний санный путь («зимник»). Вот, теперь и объяснимо, почему на всем Нижегородско-Ярославском волжском пространстве только у Костромы в непосредственной близости от Волги параллельно друг другу и на расстоянии 1-1,5 верст на протяжении 20 верст от границ города тянулись две дороги на Ярославль. И связано это было, прежде всего, с низинным характером территории, по которой пролегал названный путь.

Дорога по волжскому «бечевнику» спрямляла и немного сокращала путь из Ярославля в Кострому и в Ипатьевский монастырь. И когда эта дорога была удобна для проезда, тогда путники ее и использовали.

Вероятнее всего именно этим береговым участком луговой дороги и пользовались московские князья, когда экстренно покидали столицу в критические для них дни, или когда они с дружинами преследовали бежавших в Кострому своих политических соперников. Если не было разлива реки, береговой путь, минуя стоявшие в одной-двух верстах слева от дороги селения, в

том числе и Ипатьевский монастырь, напрямую выводил к подножию городской крепости.

Борис Годунов и его любимейший дядюшка, душа-благодетель монастырей и церквей Московского царства, боярин Дмитрий Иванович Годунов, по достоинству оценили и учли географическую особенность территории волжской Стрелки. Они приступили к перестройке крепостных сооружений обители своих костромских предков, превратив ее к началу XVII века в могучую и труднодоступную для врагов каменную цитадель, гордо назвав ее: «Превеликия лавра Святые пребезначальныя Троицы Ипацкий монастырь»²¹.

Не прошло и десяти лет, как годуновский каменный городок испытал свою прочность. Ранней весной 1609 г. костромичи подняли восстание против ставленника Лжедмитрия II (Тушинского вора) костромского воеводы Н.Д.Вельяминова и его опоры – костромских и галицких «детей боярских».

Восстание было жестоким, избиению подверглись как служилые дворяне, так и их семьи. Около 200 человек из них разъяренным народом были утоплены в Волге. Воевода Н.Д.Вельяминов с остатками уцелевших в уличных боях дворян вынужден был покинуть город и укрыться за крепостными стенами Ипатьевского монастыря²².

Последовавшие в погоню за тушинцами городские ополченцы взяли монастырь в кольцо и приступили к его осаде. По распоряжению Я.П. Сапеги из Ярославля в Кострому для усмирения «мятежников» отправился польский военачальник пан Самойло Кишкевич (Тышкевич). Он подошел со своим отрядом по Ярославской луговой дороге к осажденному монастырю и отбросил от его стен отважных ополченцев²³. Отряд Н.Вельяминова видимо получил от Кишкевича поддержку оружием, возможно и другими припасами, и решил не покидать крепость-монастырь.

Вскоре ополченцы вновь подступили к обители и блокировали все ведущие из нее выходы. Осада монастыря длилась несколько месяцев, Н.Д.Вельяминов, со своими потрепанными и измученными затянувшимся противостоянием людьми, не раз выходил за ворота монастыря и вступал в открытый бой с «мужиками». Жертвы были с обеих сторон, очень много людей погибло со стороны ополчения. На помощь осаждавшим к костромскому монастырю подтягивались патриоты разных сословий из Костромского, Галицкого уездов, а также смельчаки из граничивших с Костромской землей регионов и даже «сибирские стрельцы». По словам Н.Д.Вельяминова, это были «многие люди, и дети бояр-

ские, костромичи и галиченя и нижегородские стрельцы, и с Вологды сибирские стрельцы ж, и казаки, и галиченя и унженя и кологривцы и парфеньевцы и судайцы, многие мужики, а у них... воевода Давыд Жеребцов...»²⁴

В мае 1609 г. на выручку ипатьевским сидельцам отправился большой конный отряд польских людей и донских казаков под командованием полковника Александра Лисовского.

Солдаты Лисовского приблизились к Костроме по Ярославской Нагорной дороге и вышли к Волге у с. Селище. С берега реки их взору предстал великолепный живописный вид на стоящий отсюда севернее на расстоянии двух поприщ Ипатьевский монастырь. Но обитель, в которую лисовчики стремились попасть, оказалась для них недоступной.

Хоть весна и подходила к своему окончанию, но р. Волга в районе Ипатьевской Стрелки видимо еще окончательно не вернулась в свои берега. Незавершенный разлив реки, ее стремительное течение, а также явное отсутствие у людей Лисовского переправочных средств (а что стало с лодками, принадлежавшими селищенцам и жителям других селений правобережных окрестностей Костромы, можно только догадываться), все это стало причиной долгого стояния поляков и казаков у волжских ворот

Стрелка. Фото Прокудина-Горского.

Весеннее половодье 1910 гг..

Костромы. Но ни в город, ни в монастырь, где так нуждались в их помощи, польский полковник с соратниками так и не попали²⁵.

Уже летом монастырский дворянский гарнизон капитулировал. Возможно, он добровольно покинул обитель и сдался сподвижникам царского воеводы Д.Жеребцова²⁶. По сведениям ярославского историка Л.Б.Генкина Ипатьевский монастырь был взят штурмом 25 сентября 1609 года, причем ускорили победу над Вельяминовым и его отрядом два костромича – Константин Мезенцев и Николай Костыгин, которые подтащили к монастырской стене бочонок с порохом, взорвали его, что и позволило людям Д.Жеребцова ворваться в обитель и выбить оттуда «тушинцев». Герои погибли, но преследуемые их соратниками воины Н.Вельяминова нагнаны были на луговой дороге у Святого озера, там многие из них и погибли. Точной ссылки на источники этой информации названный историк, к сожалению, не приводит²⁷.

Спустя 3 года после кровопролитных боев у монастыря на Стрелке многие костромичи и жители близлежащих к этому месту селений вновь могли наблюдать здесь великое движение русских ратников.

По Ипатьевскому мысу продвигалась длинная колонна пеших и конных воинов. За ними тянулись обозы с боевыми, съестными припасами и с фуражом, а возглавляли полки суздальско-нижегородский князь Д.М.Пожарский и представитель посада Нижнего Новгорода Кузьма Минин. Летописец не уточняет конкретный день выхода из Костромы Нижегородского ополчения, также он не говорит и о том, какой именно дорогой ополченцы покидали Костромские пределы. Можно предположить, что войско Д.М.Пожарского покинуло Кострому где-то в 20-х числах марта 1612 года, т.к. около 1 апреля, по мнению современных исследователей этого народного движения, ополченцы прибыли в Ярославль²⁸. Скорее всего движение войска нижегородцев происходило прямо из Костромского кремля берегом Волги, по традиционному для этого времени года санному пути, и вряд ли Д.Пожарский и К.Минин заезжали в Ипатьев-

ский монастырь. В 1613 г. князь Д.Пожарский сделал несколько вложений в Костромской Богоявленский монастырь, и, как известно, в марте 1612 года полководец стоял с нижегородцами в Костроме не менее недели²⁹, а свидетельства о его вкладах в Ипатьевский монастырь ученым не известны. Видимо, годуновская крепость-монастырь осталась в стороне от пути следования нижегородских воевод. Можно лишь догадываться, как они издали смотрели на эту известную обитель, когда проходили по дороге, проложенной по краю мыса со стороны великой реки.

Сразу после освобождения земским ополчением столицы Русского государства и капитуляции польского гарнизона в Московском кремле получили свободу многие бояре, в том числе семья ростовского митрополита Филарета (в миру – Федора Никитича Романова): его супруга старица Марфа и сын Михаил Федорович. Спустя не более недели Марфа и Михаил покинули Москву и отправились в свою вотчину – село Домнино Костромского уезда. Зимой 1613 года они перебрались в Ипатьевский монастырь под Костромой.

В это время в Москве во всю уже действовал Земский собор, на котором решался вопрос о том, кто станет новым российским государем. В результате долгой политической борьбы из множества претендентов на престол был избран Михаил Федорович Романов.

С вестью об избрании на царство Земским собором к Михаилу и его матери было направлено Великое посольство, которое возглавляли Архиепископ Рязанский и Муромский Феодорит и боярин Федор Иванович Шереметев.

Помимо высших духовных и светских чинов, в посольство входили: стольники, стряпчие, московские и провинциальные дворяне, приказные люди, дети боярские, стрелецкие головы и сотники, атаманы и казаки, стрельцы, гости и торговые люди, посадские, представители рядового чёрного и белого духовенства и др. На всём пути следования посольства до Костромы в ряды его участников вливались новые лица – жители ближайших к маршруту шествия окрестных селений и городов.

Посольство выехало из столицы 3 марта 1613 года, а вечером 13 марта прибыло в с. Селище, расположенное на правом берегу Волги напротив Костромы и обители Св. Ипатия.

В тот же вечер руководители посольства направили в Ипатьевский монастырь к М.Ф. Романову делегацию с целью уточнения дня и часа официального приёма посольства.

Утром 14 марта со звоном колоколов храма Александра и Антонины в с. Селище, который подхватили колокольни всех храмов Костромы, Ипатьевского монастыря и ближайшей округи, по льду р. Волги к Ипатьевской обители двинулась длинная торжественная процессия Великого посольства. В это же время по льду р. Костромы из города вышел крестный ход костромичей. Обе процессии сошлись у Святых монастырских ворот, где и состоялась встреча с М.Ф. Романовым и его матерью старицей Марфой. После многочасовой процедуры умоления (призвания) Михаила Фёдоровича на царство, в Троицком соборе монастыря состоялся торжественный чин наречения его на превысочайший престол: на избранника наложили Животворящий крест, а в руки дали царский посох и усадили на царское место («царский стул»). Таким образом,

в стенах древней костромской обители М.Ф. Романов был наделён правами верховного правителя страны. В дни пребывания московских депутатов в с. Селище, а М.Ф. Романова и его ближайших сторонников – в Ипатьевском монастыре, данная местность (указанные пункты с прилегающей территорией) стала, пусть и кратковременно (на неделю с 13-го – по 19 марта), вторым после Москвы политическим центром страны, – где новым государем и его сторонниками решались безотлагательные вопросы и строились стратегические планы на ближайшие и дальние перспективы.

Отсюда в столицу и другие города страны гонцы Московского посольства и Михаила Фёдоровича доставляли важные документы с политическими решениями. Здесь со стороны Романовых через вестовых велись активные переговоры с руководством Земского собора, и начиналась работа по налаживанию связей с ключевыми фигурами Совета всея земли и другими влиятельными в то время лицами.

В течение недели костромичи могли наблюдать небывалое прежде оживление в районе территории Стрелки: пылающие костры, шатры, конские повозки, всюду снующие люди, фигуры конных посыльных, устремляющихся в сто-

Вид Стрелки с Зеленой башни
Ипатьевского монастыря.

Юго-западная башня Нового города
Ипатьевского монастыря у спуска к Стрелке.

рону Ярославля по луговой дороге, по ее зимнему (санному) пути, и, наоборот, к Костроме. Все эти лица были живейшими участниками и свидетелями наступившего перелома в ходе русской истории. Кострома стала первым городом России, жители которого и находившиеся здесь в те дни посланцы других городов могли наблюдать тот самый исторический момент бесповоротного угасания Великой Смуты.

По-видимому, старица Марфа и ее сын Михаил сознательно избрали Ипатьевский монастырь и территорию Стрелки местом своего пребывания в период обострения внутриполитической борьбы. Настроение городского посада и остававшихся в городе служилых людей могло меняться в зависимости от политической конъюнктуры. Если бы в борьбе за царский престол верх одержал какой-либо иной кандидат, то по условиям того времени все остальные претенденты могли подвергнуться преследованиям вплоть до заточения или казни. В том случае, если ход политической борьбы вновь повернулся бы против Романовых, они могли легко покинуть монастырь либо по Старой Ярославской (Луговой) дороге, открывавшей выход на Ярославль и Москву, а также по начинавшемуся здесь же в Заречье Вологодскому пути на Север – в Вологду³⁰ через Любим, Устюг, Галич и т.д., либо по Волге в Нижний Новгород. Вырваться в случае мятежа за пределы городских стен было гораздо сложнее.

Будучи, как и Годуновы, костромскими вотчинниками, Романовы, видимо, учитывали исторический опыт своих предшественников – Великих Московских князей, использовавших Кострому (включая территорию речной Стрелки, Ипатьевский монастырь, да и сам костромской кремль) как место временного отступления в случае вражеских нашествий и внутриполитических кризисов³¹. Кострома находилась на значительном удалении от Москвы (по сравнению, например, с тем же Ярославлем, Угличем или Ростовом), но в то же время была к ней ближе, чем, скажем, Вологда или Нижний Новгород. Кроме того, от

внезапных нападений ее защищали реки: Волга и Кострома. Широкая сеть транспортных путей давала возможность собрать дополнительные силы и быстро вернуться в столицу.

Все эти обстоятельства и обусловили важное стратегическое значение Костромы, и в особенности ее волжской Стрелки, где расположен знаменитый Ипатьевский монастырь, в наиболее сложные периоды российской истории, когда решались судьбы страны и ее многострадального народа.

(Продолжение следует)

Примечания

1 Подробнее об этом см.: Уткин С.А. О земельных и промысловых ресурсах Стрелки рек Волги и Костромы в XVI веке (По материалам вотчинного архива Ипатьевского монастыря) // Основы повышения эффективности сельскохозяйственного производства Евро-Северо-Востока России: сборник материалов научно-практической конференции, г.Кострома, 25-26 июня 2008 г. – Кострома, 2008. С.247–256.

2 Баженов И. Костромской Ипатьевский монастырь. Историко-археологический очерк. Кострома, 1909. С. 6-7.

3 Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.1969. С.162-195; Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. М.1982. Гл.1.

4 На этот факт наше внимание обратил костромской историк И.В.Рогов. См. также: Виноградова С.Г. Была ли Кострома столицей Великого Владимирского княжества? // К вопросу о комплексном изучении истории и культуры Костромского края. Вып.1. Становление и ранний этап истории города Костромы. Материалы к региональной программе по истории Костромского края. Кострома, 1998. С. 34–38.

5 По информации жителей дер.Некрасово (бывшая дер.Святое) «дубраву пустили на дрова местные жители и костромичи в годы Великой Отечественной войны».

6 В 1813 году там стояла рощица из десяти огромных дубов // Диев М. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1858. С.77. Примечание 4.

7 Русский дипломатический (далее РД). Вып. 7. М., 200. 1 №№49, 51, 72.

8 Щапова Г. Вдали от суетных дорог // Природа и человек. XXI век. Ежемесячный научно-популярный журнал для народного чтения. 2015. №4. С.72.

9 До 1764 г. Андреевская слобода числилась за костромским мужским Богоявленским монастырем.

10 Сумароков П. Прогулки по 12-ти губерниям с историческими, и статистическими замечаниями в 1838 году. СПб, 1839. С.277.

11 См. карты Костромской губернии 1871 и 1914 гг.; План города Костромы в 1913 году / Составитель П.Е. Навоев (вкладыш кн.: Лукомский В.К., Лукомский Г.К. Кострома. Исторический очерк и описание памятников художественной старины (Репринтное воспроизведение издания 1913 года. М.2002); Рагозин В. Волга. Атлас. Том 1. От истока до Оки СПб., б.г. Карта №6. Волга от Мологи до Костромы.

12 Новый указатель дорог в Российской Империи. Часть 2. М., 1803. С. 28–29; Верховский Н.Е. Грунтовые дороги Костромской губернии (Статистическое исследование 1912 г.). Часть 1. Кострома, 1915. С. 315.

13 Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. том 25. М.; Л.; 1949. С. 252.

14 Это предположение К.А. Булдаков высказал во время своей лекции на тему: «Костромской край в период образования и укрепления Русского централизованного государства (II половина 14-конец 16 вв.)», которую ученый читал нам студентам-историкам второго курса Костромского педагогического института, в феврале 1988 г.

15 Островский П.Ф. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома. 1870. С.8.

16 Там же. С.6.

17 Там же. Приложение №1. С.164.

18 Фотография опубликована в кн.: Рогов И.В., Уткин С.А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М. 2003. С.15.

19 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. том1. – «А-З». М., 1981. С.90.

20 РД. Вып.7. №49. С122, №51. С.143, №72. С.173; О существовании бичевой дороги («бечев-

ника») на костромском отрезке р. Волги в XIX в. мне сообщил И.В.Рогов, изучавший в начале 90-х гг. XX в. тему истории волжского судоходства.

21 Рогов И.В., Уткин С.А.. Указ. соч. С.18-31.

22 Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Том II. СПб, 1841. №177. С. 206; Тюменцев И.О., Тюменцева Н.Е. Костромичи и тушинские воры в 1608-1610 годах по материалам русского архива Яна Сапеги 1608-1611 гг. // Краеведческие записки / Костр. муз. – заповедн. «Ипатьевский монастырь». Выпуск 6. Кострома, 2003. С.24.

23 А.И. Т.П. № 173. С.199–200.

24 А.И. Т.П. № 205. С.238.

25 Подробнее о действиях отряда А.Лисовского под Костромой весной 1609г. см.: Рогов И.В. «Смелостью и мужеством витязь, ремеслом грабитель» (действия польского полковника А.И. Лисовского на территории Костромского края в период Смутного времени начала XVII века) // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома 26-27 марта, 2009 г./ Сост. и науч. ред. А.М. Белов, А.В.Новиков. – Кострома, 2009. С. 216–225.

26 Островский П.Ф. Указ. соч. С.16-18; Рогов И.В., Уткин С.А. Указ. соч. С.40-41;

27 Генкин Л.Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939. С.122.

28 Новый летописец // ПСРЛ. том 14. М., 1965. С. 118-119; Пудалов Б.М. «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608-1612 гг. Историографический очерк. Н.Новгород, 2011. С. 41-42.

29 Баженов И.В. Костромской Богоявленско-Анастасиин женский монастырь. Исторический очерк. Кострома, 2006. С. 48 (данную информацию о вкладах Д.М.Пожарского в костромской Богоявленский монастырь нам предоставила С.Г. Виноградова); Пудалов Б.М. Указ соч. С. 41–42.

30 РД. Вып. 7. № 49. С. 126. № 51. С. 147. №72. С. 176.

31 Подробнее о событиях на Стрелке 13-14 марта 1613 года см.: Рогов И.В., Уткин С.А. Указ. соч. С. 46-55.

Евгений НОВИКОВ,
заведующий научным отделом
Музея-заповедника «Костромская слобода»

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ПОВОЛЖСКОЙ ДЕРЕВНИ в 1930-1950-е годы

1930-1950-е годы XX века в отечественной истории связаны с господством тоталитарного политического строя. В советском обществе, построенном на материалистической философии марксизма-ленинизма, практически не оставалось места религии. Однако среди сельского населения религиозная жизнь никогда не прекращалась.

В ходе двух экспедиционных выездов¹ в Красносельский район Костромской области удалось узнать некоторые подробности о духовной жизни поволжского села во второй четверти XX века.

Лев Александрович Чечулин, уроженец села Сидоровское и племянник Героя Советского союза Б.П. Сыромятникова, долгое время прослужил в милиции в с. Красное-на-Волге. Он описывает религиозную жизнь села следующим образом: «По долгу службы приходилось и храмы охранять, так я туда и входить особо не решался. В клуб вот с удовольствием, так воспитан, видимо. У Бориса Павловича старший брат от секретаря комсомольской организации до секретаря обкома партии в Белоруссии дошел, в Гомельской области в аппарате ЦК КПСС работал. Мама тоже в церковь двери не знала, но иконку в доме держала. Все мы крещёные. Крестили свои же сельские попы. Церковь никогда не закрывалась, всё время работала»².

Несмотря на то, что в советское время свадьбы были в основном гражданского характера, а венчание в церкви заменила роспись в ЗАГСе, во многих местах по-прежнему проводились церковные свадебные обряды: «А какие в церкви были венчания... Из Приволжска ездили в нашу церковь венчаться, хотя там свои церкви были. Народу, глядельщиков-то... Заходи, шапку снял, молиться, так молись. У домов заранее приколачивали к углам жерди, потому что знали, что наличники оборвут,

Экспедиции

Деревня Веняха.

будут ходить смотреть на свадьбу. И вот вставали на жердях, за другую держались и смотрели в окно»³.

Продолжалась в 1930-1950-е годы в Красносельском районе и традиция отмечать праздники народного календаря. Стоит отметить, что большинство обрядов совершалось потому, что «раньше был обычай такой». Жители не задумывались о его первоначальном смысле.

«В нечистую силу не верили. Пугать пугали, но не верили ни во что. В Духов день, например, нельзя до земли дотрагиваться. Идешь по огороду, рука так сама и тянется сорняк в грядке вырвать, но нельзя. На Троицу на берёзках вешали ленточки. Раньше, в детстве-то мы все эти праздники справляли. Лимонаду накупим, печенья, карамели, больше ничего не было, и на горки уходили. Там и сидели. Расстелем какие-нибудь половички, тряпки. В стаканы наливаем компоты, соки, лимонад. Пасху – то же самое. На горе толпа детей собиралась яички катать. Катали просто так, а ни у кого дальше укатится. Разобьются – домой идём, другое надо брать»⁴.

В д. Веняха детей пугали «чёрным врагом». «Чёрный враг – это овраг. Считалось, что там и убийцы сидят, и детей недоношенных хоро-

нили, убиенных. Это испокон веков так было. Боялись ещё Алеевских омутов. Омуты на реке Шача рядом с деревней Алеево»⁵.

С деревней Веняха Красносельского района связана ещё одна легенда. «Была большая вода. В каком году неизвестно, может быть лет 300 назад. После половодья, все увидели камень, которого не было на этом месте. Однажды в деревне случился пожар. В те далёкие времена избы были деревянные, крытые соломой, и очень часто случались пожары. А если сильный ветер нагрянет или гроза, то целые деревни выгорали. Огонь охватил несколько домов, ветер был сильный, и люди спасались кто где: кто в поле, кто в реке. Всем миром пытались отстоять своё добро, но стихия не отступала. Дома, дворы, скот, амбары – всё горело.

Пожар же дошёл до камня и стих. Не сразу люди поверили в чудодейственную силу камня. Но каждый раз в пожар потихоньку стаскивали свои вещи к нему. А после пятого пожара камень раскололся. Ужас и паника охватила деревенский люд. Но позвав старых, мудрых людей и приглядевшись, все увидели в каменном разломе чётко проглядывающий облик всадника с копьём, Георгия Победоносца. Старые люди сказали, что раз камень вышел из воды, и первыми его увидели дети – это знак, что ни один ребёнок не должен утонуть окрест. Возле камня поставили крест.

Много раз дети, купаясь в речке Шача, тонули, но всегда какая-то неведомая сила помогала им выбраться.

Однажды зимой через деревню, только что пережившую очередной пожар, ехала барыня. Она постучалась в крайний дом, спросив, здесь ли живут пожарные и получив утвердительный ответ, дала денег на богоугодное дело. Что это была за барыня – так и осталось неизвестным. Говорили, что очень богатая, зимняя кибитка была вся в мехах.

Позднее над камнем на эти средства и на пожертвования деревенских жителей была построена часовня, в которой была потайная горнушечка с замочком. В эту горнушечку заезжие люди, да и все желающие могли положить

милостыню, но изнутри она была под замком, и украсть не получилось бы.

После революции 1917 года её хотели разрушить, но вышел старенький дедушка и сказал: «Милостивые люди, господа, товарищи, эта маленькая каменная святыня не принесёт вам и вашей власти ничего плохого. Угрозы от неё никакой нет, а чтоб глаза она вам не мозолила, так вы посадите вокруг неё акацию, она её и скроет, и не вспомните вы о ней никогда». Так и сделали.

Со временем дети стали играть внутри и вокруг часовни, курицы и гуси землю под камнем подкапывали, под камень выливали даже помои. В 1995 году сгорел дом моей прабабушки. Горел ночью. Ничего не удалось спасти, и только вещи, принесённые к часовенке, остались нетронутыми»⁶.

«Я один раз видела, как у камня стояла женщина, незнакомая. Стояла на коленях почти час, к ней все боялись подойти. Она так рыдала. Откуда она пришла и как ушла никто не видел»⁷.

Часовня была освящена по православному обряду только в начале XXI века сидоровским священником отцом Георгием.

В каждой деревне Заволжской стороны Красносельского района был свой праздник, совпадающий с каким-либо религиозным, во время которого со всех окрестных деревень молодёжь собиралась на гулянки. Причём зачастую праздник не совпадал с тем, какая в селе была церковь. Так, например, в с. Сидоровское церковь Никольская, а годового праздник – Ильин день (2 августа). С. Красное-на-Волге – Троица, г. Плес – Петров день (12 июля), д. Алеево – Тихонов день (29 июня), д. Веняха – Вознесение Господне (с начала 2000-х – Егорьев день), д. Конново – канун Николы (воскресенье перед 22 мая), с. Сидоровское – Ильин день (2 августа), д. Трубинка, д. Степурино – Заговенье на Петров пост (через неделю после Троицы), с. Светочева гора – день Казанской иконы Божьей Матери (21 июля).

Годовые праздники отмечались начиная с ранней весны и вплоть до глубокой осени. Последним отмечаемым праздником было Воздвижение – 27 сентября в бывшей д. Перхурово. Зимой их не отмечали. Сами местные жители

объясняли происхождение таких годовых праздников тем, что «раньше обычай был такой».

«Вот рядом Перхурово 15 домов было, Путятино – тоже 15. Там ничего не было, ни скота, ничего. Но праздник-то был, и мы ходили из Трубинки туда гулять. Тут и пройти-то негде, разойтись. А народу набьётся! А уж как здесь гуляли! Столько народу в Сидоровском жило. Приедут с окрестных деревень, так столько народу – жуть! Обычай такие. Годовой праздник – значит гулянка»⁸.

«В Веняхе у нас раньше был праздник Вознесенье. Бабушка мне рассказывала, какие были гулянья. Сосны были молодые, не было никакого кустарника, там была поляна. Там были игрища. Со своей едой приходили дети, играли, пели песни. Приходили и родственники из других деревень. К бабушке приезжали сёстры из Плёса, из Алеева, из Сидоровского, из Приволжска и со своими детьми. Очень хорошо пели. Бабушка рассказывала, что были свои запевалы, певуны. Они начинали, а все подхватывали.

Бывали и драки стенка на стенку, дрались ремнями, и даже кто-то сидел в тюрьме, кого-то убили и так далее»⁹. На гуляньях в годовых праздниках пели как песни советской эстрады, так и русские народные песни:

*«Раз полоску Маша жала,
Золоты снопы вязала.
Молодая, молодая.*

*Шел солдатик из походу,
Девятьсот восьмого года.*

Из Германии, из Германии.

*На пути он притомился,
Возле Маши очутился.*

– Дай напиться, дай напиться.

*– Я б дала тебе напиться,
Да тепла моя водица.*

Не годится, не годится.

– Нет ли хлеба хоть кусочек?

– Нету, миленький дружок.

Только крошки, только крошки.

*Делать нечего, сестрица,
Нет ни хлеба, ни водицы.
До свидания, до свидания.*

*– Ты постой, солдатик милый,
Посидим вот здесь под жнивой.*

Солнце жжется, солнце жжется.

Солдат видит – баба дышит,

Рубашонку грудь колышет.

Догадался, догадался.

Как над этою, над парой,

Сыч облизывался старый.

На них глядя, на них глядя.

Что же с ними стало дальше,

Сколько в жизни было фальши.

Мы не знаем, мы не знаем.

Раз полоску Маша жала,

Золоты снопы вязала.

Молодая, молодая!»¹⁰.

«На таких гуляньях у каждого было даже своё отдельное место. Пофамильно. Вот здесь любили сидеть Антипины, здесь Рябовы, вот здесь Андреичевых всегда место было. Молодые девушки «на выданье» и парни играли в ручеёк с целованием, в салочки»¹¹.

«У нас Ильин день годовый праздник в Сидоровском. Так верите-нет, улицы были заполнены народом, не протиснуться! Партия огромная идёт сюда, другая туда, у каждого дома гармошки, пляски, песни. Где-то дерутся»¹².

Во время праздников часто совершались преступления, подчас даже тяжкие. Местные жители иногда даже говорили так: «Ой, никого и не убили. Что и за праздник такой! Как будто так надо было – убить кого-то». Очень часто случались драки деревня на деревню. В ход шли кулаки, колья, ножи, всё подряд. «Бывали схватки и при встрече. Вот эти везут лён в Княжёво, через Красное, далеко очень, сдавали туда. Надо заехать в чайную, выпить, пообедать. И обязательно стычки, драки.

Даже в школу мы ходили не центральной улицей, а в обход. Нам было даже страшно. Там не поймёшь – и стулья из окон летят и люди, у дверей драки. Хотя все знали друг друга и по имени, и по фамилии»¹³. Беспорядки во время годовых праздников были своего рода традицией и продолжались вплоть до 90-х годов XX века.

Стоит отметить, что годовые праздники отмечаются в Заволжской стороне Красносельского района и по сей день, приобретая новые черты и обрастая новыми традициями. В с. Сидоровском в ближайший ко 2-му августу выходной проходит ряд мероприятий под названием «День села», завершающийся вечерним концертом местной музыкальной группы «Земляки». Так же, как и в 1930-1950 годы на гуляние в село собираются люди из окрестных деревень, г. Волгореченска и даже из Костромы.

Изменения произошли и в годовом празднике д. Веняха. После того, как часовня над камнем была освящена в честь Святого Георгия, годовым праздником вместо Вознесенья стал Егорьев день. «Раньше накануне праздника батюшка нам напоминал, потому что мы всё забывали, теперь мы уже всё знаем. Говорили, что завтра приедут и вам надо подготовить стол. Мы выносим столы и лавки на улицу. Один стол ставят под святую воду, второй стол с угощением. Церковь привозит все угощения, покупают торты и сладости, мы, жители деревни, приносим только воду. Я кипячу ведро воды, которое всё выпивают. Накрываем стол, лавки выносим. Если хорошая погода, то сидим прямо на улице. Когда плохая погода, сидим у

Часовня над камнем.

нас дома. Сидоровские школьники приезжают. С утра в церкви отслуживают службу, а потом часов в 11-12 приезжают к нам. На Егория освящают воду, которую мы берём и раздаём»¹⁴.

Таким образом, даже не смотря на негативное отношение советской власти к религии в целом, духовная жизнь костромских сёл не прекращалась, а приобретала новые черты и традиции. Продолжается это и по сей день с учётом реалий современной жизни.

Примечание

1 4-5 октября 2016 года (с. Светочева гора, с. Сидоровское), 15 марта 2017 года (д. Веняха)

2 Записано автором у Чечулина Л.А. (1941 г.р.) 5 октября 2016 года, с. Сидоровское Красносельского района Костромской области.

3 Записано у Чечулина Л.А. (1941 г.р.) 5 октября 2016 года, с. Сидоровское Красносельского района Костромской области.

4 Записано у Чечулина Л.А. (1941 г.р.) 5 октября 2016 года, с. Сидоровское Красносельского района Костромской области.

5 Записано у Бельцевой О.В. (1974 г.р.) 15 марта 2017 года, д. Веняха Красносельского района Костромской области со слов Дубовой В.И. (1918г.р.).

6 Записано у Бельцевой О.В. (1974 г.р.) 15 марта 2017 года, д. Веняха Красносельского района Костромской области.

7 Записано у Бельцевой О.В. (1974 г.р.) 15 марта 2017 года, д. Веняха Красносельского района Костромской области.

8 Записано у Марьина А.В. (1928г.р.) 4 октября 2016 года, с. Сидоровское Красносельского района Костромской области.

9 Записано у Бельцевой О.В. (1974 г.р.) 15 марта 2017 года, д. Веняха Красносельского района Костромской области со слов Дубовой В.И. (1918г.р.).

10 Записано у Бельцевой О.В. (1974 г.р.) 15 марта 2017 года, д. Веняха Красносельского района Костромской области со слов Дубовой В.И. (1918г.р.).

11 Записано у Бельцевой О.В. (1974 г.р.) 15 марта 2017 года, д. Веняха Красносельского района Костромской области со слов Дубовой В.И. (1918г.р.).

12 Записано у Чечулина Л.А. (1941 г.р.) 5 октября 2016 года, с. Сидоровское Красносельского района Костромской области.

13 Записано у Чечулина Л.А. (1941 г.р.) 5 октября 2016 года, с. Сидоровское Красносельского района Костромской области.

14 Записано у Бельцевой О.В. (1974 г.р.) 15 марта 2017 года, д. Веняха Красносельского района Костромской области.

*Сергей ПИЛЯК,
архитектор, заместитель директора
Музея-заповедника «Костромская слобода»*

160 ЛЕТ ДОМУ МИТРИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ЛИПАТОВА

Начавшийся Год экологии в России заставляет по-новому посмотреть не только на сохранение окружающей среды, но и на ее отражение в культуре и искусстве. Издавна именно богатства и чудеса природы вдохновляли людей на создание шедевров искусства. Народная культура также дает немало примеров творческой переработки природных мотивов, что вместе с использованием природных материалов послужило созданию высокохудожественных произведений. Для костромского крестьянина природные циклы играли более значительную роль, нежели для наших современников. С этим связано глубинное понимание природных процессов и одновременно их обожествление.

Изображению природных мотивов в народном декоративно-прикладном искусстве и архитектуре посвящено немало исследований, рассматривающих их символику, художественное решение, технику и региональные традиции. Однако, в рамках настоящей статьи предлагается сконцентрировать внимание на убранстве древнейшего из датированных крестьянского дома Костромской губернии, сохранившегося до наших дней – дома лесопромышленника Митрия Константиновича Липатова из деревни Журавлево Макарьевского района. В 2017 году дом, обозначенный по деталям резьбы 1857 годом, отмечает своё 160-летие.

Он выделяется в ряду объектов музея. Крупный дом-пятистенок обладает внушительным двухэтажным объемом. С севера жилая часть его дополнена крытым двухъярусным хозяйственным двором с одноярусной пристройкой с запада, что придает типичному дому «брусом» черты глагольной компоновки. При переносе в Кострому дом Липатова, согласно музейной концепции, должен был свидетельствовать о рас-

слоении крестьянского мира и выделении зажиточных крестьян, поэтому он был поставлен в конце слободской улицы. В это же время дом в череде костромских изб выделяется размерами и декоративным убранством, масштабно представляет традиции деревянного домостроения. Этот памятник народного зодчества закономерно вызывает восторг гостей Музея-заповедника «Костромская слобода». Вот как кратко определяет характер архитектуры дома учетная документация памятника: «пример представительного крестьянского дома, в котором приемы и формы народного зодчества сочетаются с элементами городской архитектуры»¹.

Особое внимание привлекает резное убранство памятника, выполненное «знатным мастером» Емельяном Степановичем Зириновым². Датировка и упрощенный рисунок резьбы позволяют отнести ее к раннему периоду работы мастера. Важно отметить, что дом Липатова был построен лишь немного позднее собственного дома Зиринова, срубленного в 1856 году в селе Яблонново Макарьевского уезда (в настоящее время деревня Яблонное Сокольского района Нижегородской области). Вполне возможно, что заказ зажиточного лесопромышленника у 45-летнего мастера (Зиринов родился в 1812 году) был вызван именно такой «рекламой».

В решении резного убранства, как это характерно и для верхневолжской традиции в целом, заметно преломление и осмысление приемов и эстетики провинциального классицизма, базирующегося в свою очередь на античном наследии. Ордерное построение, характерные пропорции, разработанное решение венчающего карниза, имитирующего антаблемент, выразительный облик, масштаб – все это придет дому Липатова черты общественного сооружения. Это объясняется высоким статусом заказчика – зажиточного лесопромышленника. Естественно, традиционные для региона растительные и зооморфные мотивы также получают особое решение.

Резьба, концентрируясь на венчающем карнизе, опоясывает дом целиком. Однако наиболее представительное воплощение получает главный – южный фасад, выделяющий жилую часть

дома. Рассчитанная на насыщенный солнечный свет, композиция южного фасада по своей выразительности найдет немного аналогов в народной архитектуре. Прямоугольный сруб, прорезанный двумя рядами окон, оформленных наличниками-эдикулами, увенчан высоким эффектным треугольным фронтоном с крупным окном в центре тимпана. Мастер использует симметрию в качестве яркого художественного приема; переруб пятистенка теряется в сравнении с мощной вертикальной осью симметрии фасада.

В эти годы зириновская резьба отличается некоторой скованностью. Рисунок еще лишен энергичной линии, позднее прославившей мастера за пределами Костромской губернии. Рельеф имеет небольшую глубину и обладает незначительным объемом. Символика сюжетов традиционна – выделяются два мира – земной и горний (верхний), что в целом характерно для народного искусства. Граница между мирами – фриз – получает наиболее яркое воплощение.

Образы нижнего мира – русалки – традиционный мотив водных стихий, что поколения искусствоведов связывают с культом Волги. Мужская и женская ипостаси фараонки подчеркивают двуполярность мира. Эти фараонки работы Зиринова отличает упрощенный рисунок тела, буквально повторяющего туловище рыбы. Для поздних аналогичных сюжетов становится характерной сложная моделировка тела. Здесь же мы замечаем обрамленные орнаментом таблички с обозначением года строительства и фамилией заказчика, что становится практически обязательным для работ Зиринова на протяжении его творческого пути. Особо выделены инициалы, заключенные в сложную рамку на мотив перевитого шнура с кистями. Остальные поля фриза заполняет растительный орнамент, подчиненный ритму волны. Карнизный свес оформлен резной доской в утрированных формах классицистического ордерного антаблемента. На основе следов можно судить о том, что некогда резные части имели контрастную окраску, что в общем характерно для верхневолжской крестьянской архитектуры.

Иная символика характерна для верхнего мира. Традиционные мотивы сконцентрированы в резьбе фронтона – резных причелинах, профилировке свеса и слуховом окне. На причелинах, покрытых сплошным растительным узором, выделены таблички с автографом мастера: «Сей мастер Емельян Степанов Зиринов», в основании доски поддерживаемые львами. То, что уже в начале своего творческого пути Зиринов счел возможным разместить свое имя выше фамилии заказчика, определенно говорит об уважении к мастеру в крестьянском мире.

Дом Липатова, в соответствии с масштабным решением, получает выразительное слуховое окно. Ярчайшее решение слухового окна можно отнести к индивидуальному почерку Зиринова. Характерные растительные узоры, получившие декоративное решение, встречаются и в других зданиях, связанных с артелью мастера. Как отмечает И. Маковецкий, который в 1952 году ввел памятник в научный оборот (по итогам комплексной экспедиции 1950 года, проведенной Институтами истории искусств и этнографии Академии наук СССР, Государственным историческим музеем и музеем русской архитектуры имени Щусева³), решение окна представляет «полусферу с созвездием розеток, поддерживаемую четырьмя колоннами» и производит «исключительно сильное впечатление»⁴. Обрамленное наличником трехчастное окно композиционно развивает тему итальянского окна-серлианы.

Трехчастное окно имеет сложный наличник, решенный единообразно с наличниками нижних ярусов. Каждую из частей окна венчает небольшой треугольный фронтон с заключенной в центре его тимпана розеткой. Над центральными частями фронтонов поднимаются неширокие прямоугольные аттики, профилированные по верхнему ребру. Границы между частями окна декорированы полуколонками, над которыми возвышаются небольшие раскреповки антаблемента.

Выше над нешироким усыпанным розетками фризом, в глубокой арочной нише, врезанной в тимпан, заключено резное панно, составленное из нескольких горизонтальных досок.

Симметричный узор на панно представляет двуглавого орла, трактованного в характере вселенского древа. Орел увенчан имперской короной, крылья и лапы изображены в виде ветвей аканта, а головы, по византийской традиции обращенные в разные стороны, трактованы как спиралевидные завитки тонких побегов. Лишь общая моделировка формы и силуэт рельефного изображения позволяет восстановить прообраз узора. Несомненно, прямое изображение государственной символики на крестьянской избе было бы пресечено властями. Деревню Кобылино (Журавлево) нельзя было бы назвать

глухим селением – в 1870 году в ней отмечено 36 дворов с населением в 99 жителей мужского и 118 женского пола⁵. Декоративизация формы, само помещение орла в глубокую нишу, недоступную прямому солнечному свету, очевидно, было призвано скрыть символ власти от непосвященных глаз, но при этом одновременно выделить его в качестве центра композиции фронтона. Не стоит забывать и об орле как одном из символов горного мира. Государственная символика тесно переплетается здесь с фольклорной традицией и дает уникальные формы.

Свод ниши, немного раскрытый на зрителя, оформлен рядами розеток, заключенных в небольшие кессоны. «Розетка, напоминающая цветок подсолнуха или ромашки, была излюбленным мотивом Емельяна Степанова и применялась им в украшении не только интерьера дома, но и наружного фасада»⁶. Архивольт обрамлен выразительной рустовкой, имитирующей кладку арки. Завершение окна приобретает поистине монументальные формы.

Реставрацию памятника в 1982-1983 годах провели специалисты Костромской специаль-

ной научно-реставрационной и производственной мастерской под руководством архитектора В.С.Шапошникова⁷. При реставрации дома была вывезена только его жилая часть с мостом и горницами. Хозяйственный двор к моменту выявления памятника был утрачен и после монтажа жилого пятистенка срублен из нового материала на основании данных экспедиционных обследований⁸, что не отменяет известной гипотетичности его облика.

Несмотря на то, что рассмотренный памятник относится к раннему периоду творчества «знатного мастера», в резьбе про-

явились отдельные черты индивидуального почерка Зиринова. «Искусство поволжской «глухой» резьбы, то есть вырезанной рельефом из цельной доски, сложилось в законченный стиль в 1820-40-е гг. Развитие его прежде всего было связано с изменением древней конструкции избы». Исследователь связывает зарождение уникального по яркости и выразительности экстерьерного декора, выполненного в технике глухой резьбы, с экономией леса, сооружение кровель стропильной конструкции, и, следствие, появлением зашитых досками фронтонов. Новые конструкции потребовали новой системы декора. Примером и изначальным образцом для этой системы стала схема классицистического ордера, и в особенности ордерного фронтона, активно используемая в тот период времени в городской застройке⁹. И, как это характерно для народной архитектуры, каждый памятник остался неповторимым.

Как отмечают специалисты, «... музеи народного зодчества и быта под открытым небом... – это воистину академии строительства и архитектуры в дереве, предметные уроки того, как можно и должно обжить «лесную природу», заставить

её органически работать на человека, создать полноценную среду его обитания и наполнить её эстетическим смыслом, пользуясь одним-единственным материалом – лесом»¹⁰. В Костромском музее деревянного зодчества раскрываются различные аспекты этой темы, в том числе и творчество знаменитого плотника Емельяна Зиринова.

Примечания

ГАКО. Ф. р-2028. Оп. 3. Д. 212. Дом Липатова, 1857 г., ул. Просвещения, 1 «Б», лит. И.

2. Пиляк, С. А. «Знатный мастер» Емельян Зиринов / С. А. Пиляк // Художественно-этнографический журнал «Костромская слобода». – Кострома : Издательский проект Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода», 2015. № 1. – С. 18-21.

3. Москалева, Л. В. «... И совершиша церковь ... велми чудну ...» / Л. В. Москалева // Материалы и исследования. Сборник статей. – Кострома : Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода», 2010. – С. 9.

4. Маковецкий, И. В. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья / И. В. Маковецкий. – М. : Изд-во академии наук СССР, 1952. – С. 16.

5. Список населенных мест по сведениям 1870-72 годов. Костромская губерния. – СПб. : Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. 1877. – С. 271.

6. Маковецкий, И. В. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья / И. В. Маковецкий. – М. : Изд-во академии наук СССР, 1952. – С. 15.

7. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск I. Г. Кострома. Часть третья / И. Ю. Кондратьева (ред.). – Кострома : Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры, 1998. – С. 60-61.

8. ГАКО. Ф. р-2028. Оп. 3. Д. 212. Дом Липатова, 1857 г., ул. Просвещения, 1 «Б», лит. И.

9. Агафонов С. Л. Горький. Балахна. Макарьев. Художественные памятники XIII – начала XX старинных волжских городов. – М.: Искусство, 1969. – С. 183.

10. Донцов Э. К., Караськов Г. И., Щербинин П. П. Костромская резьба / Гречухин В. А. Деревянные искусства – Кострома.: Верх.-Волж.кн.изд-во, 1991. – С. 9.

Василий ШУТОВ,
доктор биологических наук, профессор КГУ

О НАРОДНЫХ НАЗВАНИЯХ ЦЕЛЕБНЫХ РАСТЕНИЙ НАШЕГО КРАЯ

Народные знания о целебных растениях веками бережно передавались от родителей детям, внукам и далее, причем часто в устной форме и в пределах одной семьи. Иногда с целью сохранения ценной информации растения назывались специальными терминами, понятными только данному ведуну, знахарю или колдуну. Однако со временем в народе сформировался свой словарь-травник, содержащий наиболее употребляемые названия растений. Народные названия лекарственных растений не раз были объектами исследований, классификации, обобщения и публикации в специальных словарях-травниках [1, 7, 8], и в настоящее время они приводятся почти во всех работах по фитотерапии [2–6].

С названиями целебных растений я познакомился еще в детстве, которое прошло в небольшой деревне Юрцово близ села Шахово Судиславского района Костромской области. Моя бабушка Мария Николаевна (родом из деревни Софрянки того же района, в девичестве Смирнова) была неграмотной, но знала много преданий, молитв, сказок, стихотворений, песен и, самое главное, хотя и не была знахаркой, могла предложить болящим целебные сборы из трав и совершить заговор на исцеление от болезни. Однажды еще будучи мальцом тайком наблюдал, как она проводила заговор на беспокойного младенца, которому было не более двух месяцев. Он ночи напролет плакал, да и во время обряда продолжал громко плакать на руках у молодой матери. Бабушка острым ножом расщепила вдоль древесных волокон ветвь черемухи и получила своеобразное кольцо из двух половинок живого побега. Размер кольца позволял пронести сквозь него ребенка, что она и сделала три раза с запада на восток, тихо произнеся при этом заговор. Как ни странно, в словах заговора, кроме обращения

к богу, я узнал некоторые народные названия трав – одолень-трава, трава-мурава, а ребенок вдруг затих и уснул на радость его матери. К сожалению, мне мало что запомнилось из ее заговоров – только короткий заговор на заживление порезов, который часто заставляла произносить бабушка на мои многочисленные мелкие ранки.

«Рана не нам, а нашим врагам. Крови не сочить, телу не ныть. Как собака свою рану зализывает, затягивает, заживает, так меня этот заговор целит, правит, помогает. Аминь».

Из целебных сборов мне запомнился только один, который бабушка часто рекомендовала молодым женщинам, страдающим обильными, как они говорили, кровями (менструациями).

Нужно было взять по одному стакану измельченной гусиной пожити, матрёнки и трясовичной травы. Все перемешать. Столовую ложку сбора залить стаканом кипятка. Отстоять. Выпивать по 2 стакана в день.

Когда я учился в Костромском государственном педагогическом институте им. Н.А. Некрасова на факультете естествознания, то вспомнил состав этого сбора и попытался узнать ботанические названия трав, указанных в нем. Оказалось, что сделать это не так просто – пришлось перерывать кучу литературы, но мой труд был вознагражден. Это были известные и широко распространенные в наших краях растения: гусиная пожить – это лапчатка гусиная (*Potentilla anserina* L.), матренка – тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.), трясовичная трава – валериана лекарственная (*Valeriana officinalis* L.). Правильность моего открытия потом подтвердила и бабушка.

По-видимому, тогда у меня и зародилась мысль создать словарь народных названий лекарственных растений с указанием их современного русского и латинского названия. Конечно, словари-травники существовали и ранее [1], но в настоящее время стали редкой книгой. К сожалению, они не позволяли свободно ориентироваться в современной научной ботанической номенклатуре растений, так как в них чаще всего не было ссылок на принятые латинские их названия.

С уходом бабушки в мир иной моя мысль написания словаря-травника окончательно оформилась, и я стал собирать и систематизировать народные названия растений, чтобы свести их воедино. В то же время я с обреченностью понял, что в наше время прерывается преемственность поколений в передаче народной мудрости. Моя мать и я уже мало что освоили из народного травника, и только знания по ботанике, полученные в институте, позволяли мне в какой-то мере восполнить эти пробелы.

В архивах и библиотеках нашей страны до сих пор хранятся рукописные травники наподобие известного Уваровского травника, которые в большинстве случаев не расшифрованы и не проанализированы с точки зрения фитотерапии. Я считаю, что существенно облегчить эту работу может словарь-травник. В Костромской областной универсальной научной библиотеке хранится многоцелебный русский лечебный травник [3]. Очень интересное старое издание. В нем названия лекарственных растений уже во многом имеют современное научное толкование, хотя несколько своеобразное. Например, следующая рекомендация для лечения рака:

«Отъ рака. 1. Американскаго винограда свѣжая трава, корень. Прикладывать выжатый сокъ изъ цѣлаго стебля и выпаренной на солнечномъ жару до густоты мази.

2. Можжевельника донскаго, или казацкаго листьа. Употреблять присыпку, или катаплазмъ.

3. Болиголовъ, цикута, ея сгущенной сокъ. Принимать въ порошокъ отъ 3-хъ грановъ, до одного скрупула съ сахаромъ; или экстракту отъ одного грана до скрупула въ день

4. Красавицы, сонной одури листьа корень. Принимать въ порошокъ отъ 5-ти до 12-ти грановъ, или изъ листьевъ въ холодной водѣ 2, 4, 8 грановъ.

Титульный лист травника 1867 года.

5. Лихорадочная или хинная корка. Принимать отъ скрупула до золотника и больше въ порошокъ; или настойку изъ золотника самага мелкаго порошку, съ восьмью унцами холодной воды, настоянную чрезъ 24 часа, по чайнои чашкѣ.

6. Морковь. Принимать соку по столовой ложкѣ, а снаружи употребляя катаплазмъ.

7. Татарника свѣжая трава. Прикладывать корню напитанную сокомъ выжатымъ этой травы».

В этих рекомендациях уже легко можно узнать современные названия почти всех растений. Однако и здесь существенную помощь может оказать словарь народных названий.

Работая над составлением словаря-травника, я часто замечал наличие в народных названиях растений не только русских слов, но и украинских, и белорусских. Все это говорит о тесных многолетних связях родственных народов и взаимном обогащении их языков.

Народные названия трав очень меткие и точные. Например, щитовник мужской (*Dryopteris filixmas* (L.) Schott) за его способность в небольших дозах выступать как вяжущее средство, а в больших как слабительное прозвали блядской травой. Самые популярные лекарственные растения имеют множество народных названий. Так, у валерианы лекарственной их более семидесяти. Известно, что народные названия растений иногда сильно различаются даже в соседних местностях и деревнях. Поэтому, расшифровывая рецепты из рукописных травников, надо обращать на это внимание и учитывать известные в настоящее время целебные свойства растений. Народные названия растений указывают, прежде всего, на болезни и органы человека, которые они лечат, например, сердечная трава, грудная

трава, золотушная трава, опухолевая трава, или просто: сердечник, грудник, золотуха и т. д. Иногда народное название указывает на некоторую универсальность растения – живительная трава, излечная трава. По-видимому, от колдовских заговоров остались такие названия, как бесопрогонная трава, колдуница, ведьмина трава, приворотная трава, клад-трава, лиходейная трава и др. Часто одно народное название сразу соответствует нескольким видам растений, имеющим сходные целебные свойства. Так, под термином «ранник» понимаются травы, способные заживать раны. В словаре-травнике под этим термином насчитывается 18 видов растений. Нам сейчас наиболее известны для этих целей только подорожник и, для домашних условий, алоэ. Остальные виды, как правило, никто почти не применяет, хотя их способность заживать раны, возможно, не хуже, чем у подорожника и алоэ. Если в прежние времена на Руси из-за частых битв колотые и резанные раны были обычным явлением, а лечение их проводилось в основном травами, то ясно, что список этих трав должен быть большим, чтобы в любой местности и в любое время года можно было найти средство для лечения. Подобные большие наборы трав имеются и для других болезней. Я считаю, что здесь открывается широкое поле деятельности для науки фармакогнозии, а словарь-травник в этом случае может стать хорошим подспорьем.

В том, что народные названия растений действительно раскрывают их лечебную сущность, я убедился довольно скоро. В начале 90-х годов прошлого века я руководил экспедиционными работами по определению запасов лекарственных растений на территории Костромской области. В одной из деревень Судиславского района сурепку обыкновенную (*Barbarea vulgaris* R. Br.) одна бабушка назвала мужской силой. Этот вид известен как распространенное сорное растение, которое в современной медицине не использовалось, да и лечебное значение его в народе почти неизвестно. Каково же было мое изумление, когда я узнал, что группа украинских ученых, Ф.И. Мамчур, Н.А. Збирак и другие, получили авторское свидетельство

(№651811 от 5.10.1977 г.) за разработку стимулирующего у мужчин сперматогенез средства из сока травы сурепки обыкновенной. Ясно, что мы еще многое не знаем о целебной силе окружающей нас флоры. В этих же экспедиционных работах в Межевском районе Костромской области в одном из лесных поселков меня упорно убеждали, что женьшень очень часто встречается в окрестных лесах и корни этого растения с давних пор местное население использует как хорошее тонизирующее и лечебное средство. Мы попросили показать это растение в лесу. Искать его долго не пришлось. Оно произрастало в лиственном лесу совсем недалеко от поселка. Внешне оно, действительно, было похоже на женьшень, особенно своими красными плодами. Это был воронец красноплодный (*Actaea erythrocarpa* Fisch.), который встречается во многих районах области и особой популярностью как лечебное средство не пользуется. В народной медицине этот вид издавна применяется при общей слабости и упадке сил, сердечных припадках, женских болезнях, а также как противоопухолевое средство при раке желудка. Самостоятельных народных названий у него нет, и для его обозначения используются в основном те же понятия, что и для воронца колосистого (*Actaea spicata* L.), который встречается чаще, имеет плоды черной окраски и ядовитые свойства. По этой причине в словарь-травник [7, 8] самостоятельно воронец красноплодный не вошел.

В народных названиях растений часто присутствует романтичность: люби-меня-не-покинь-меня, люблю-и-ненавижу, любим-трава, красота девичья, девичья любовь, женихова плеть и др. Есть довольно оригинальные названия: перелет хаты, соколиный перелет, трава-бабушка выпустила собачек и др.

Флористический народный словарь содержит целый пласт народной самобытности, а сама история и динамика формирования народных названий растений, безусловно, может быть интересна филологам. Причиной создания народного словаря-травника явились все перечисленные выше возможности его практического использования.

Надо помнить, что в природе нет ни одного бесполезного растения. Весь зеленый мир — это своего рода аптека, о которой справедливо писал С. Кирсанов: «Я не степью хожу, я хожу по аптеке. Разбираюсь в ее травяной картотеке». Известно предание, повествующее о том, как учитель послал в лес Чараки — древнеиндийского врача, принести несколько совершенно бесполезных растений. «Учитель, — сказал, вернувшись из лесу Чараки, — я три дня ходил по лесу и не нашел ни одного бесполезного растения» [7, 8]. Действительно, в природе на любое действие есть противодействие, поэтому любое растение создано природой с какой-то целью и обладает специфическими свойствами, а наша задача лишь правильно понять его предназначение.

Лекарственные растения издавна наделялись таинственной силой, их целебность связывалась со сверхъестественными особенностями, данными им Богом. Например, у А.К. Толстого в романе «Князь Серебряный» имеются об этом следующие строки: «... Есть тирличь-травка, на Лысой горе под Киевом растет. Кто ее носит на себе, на того ввек царского гнева не будет ...» [7]. Старинная славянская легенда рассказывает, что в ночь на Ивана Купалу полевые и лесные цветы устраивают хороводы. Соберутся ландыши, васильки, ромашки, гвоздики, розы, другие цветы, даже чертополох с красавкой, и тихо-тихо веселятся... Старинное предание говорит о том, что лекарственные свойства подорожника были открыты... змеями. Однажды две змеи грелись на солнце посреди дороги. Неожиданно промчалась повозка. Одна змея зазевалась, и колесо переехало через нее. Отправилась вторая змея на поиски целебной травы. Люди, ехавшие в повозке, увидели, что вскоре она возвратилась с листом подорожника. Это и навело людей на мысль использовать растение в лекарственных целях. Aster — астра на языке древних римлян значит «звезда». В сумерки, когда колышется в небе тонкий и острый свет ярких созвездий, астра словно посылает с земли привет своим далеким сестрам, так на нее похожим [5, 7].

Что же касается ведунов, знахарей, колдунов, то они многие свои заговоры и целительные действия строили именно на травах. В первую очередь, от них пошли некоторые народные названия растений. В заключение хочу отметить, что я, как автор словаря, не рассчитываю на полное изложение всех имеющихся в народной памяти народных названий растений. Поэтому заранее приношу извинения, если окажется, что тот или иной народный термин отсутствует, или приведен не совсем точно.

Литература

1. Анненков Н. Ботанический словарь, или собрание названий как русских, так и многих иностранных растений на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России / Н. Анненков. — М., 1859. — 306 с.
2. Кузнецова М.А. Сказание о лекарственных растениях / М.А. Кузнецова, А.С. Резникова. — М.: Высшая школа, 1992. — 272 с.
3. Многоцелебный русский лечебный травник или описание всех целебных трав с показанием, где каждая растёт, какой запах, вкус и свойство имеет, также время собирания и способ хранения с описанием всех вообще болезней излечиваемых одними только травами, и наставлением как готовить домашними средствами всякие лекарства из трав без помощи доктора и аптеки. — М.: Типограф. газеты «Русский» в Брюсовск. пер., д. Смирнова, 1867. — 196 с.
4. Пашинский В.Г. Лечение травами / В.Г. Пашинский. — Новосибирск, 1989. — 145 с.
5. Сотник В.Ф. Кладовая здоровья: альбом / В.Ф. Сотник. — М.: Лесн. промсть, 1985. — 64 с.
6. Шретер А.И. Лекарственные растения Костромской области / А.И. Шретер, В.В. Шутов, А.М. Задорожный. — М.: Экология, 1992. — 365 с.
7. Шутов В.В. Словарь-травник ведуна, знахаря и колдуна: флористический народный словарь / В.В. Шутов. — Кострома: Изд-во КГТУ, 2010. — 204 с.
8. Шутов В.В. Словарь народных названий растений. — М.: Издательские решения, 2016. — 338 с.

Татьяна ГОНЧАРОВА,
Учёный секретарь
Музея-заповедника «Костромская слобода»

НАРОДНАЯ БОТАНИКА В ОБЫЧАЯХ И ВЕРОВАНИЯХ КОСТРОМСКИХ КРЕСТЬЯН

Обычные простые крестьянки, а не только бабушки-знахарки, жившие раньше в каждой деревне, прекрасно знали ботанику окружающего деревню леса и полей, какую травку, какую ягоду, какое дерево к чему применить. Природа была для них такой же личной кладовой, как и собственный амбар. И чего только они не ведали: и как сохранить благополучие малых деток и дома-строения, и как сделать так, чтобы все жили дружно; и как уберечь от нечистой силы домашнюю птицу и скотину; что сделать, чтобы хлеб уродился и как приготовить здоровую еду. А уж о домашнем врачевании, рецептах народной медицины, что передавались из поколения в поколение, искусстве лечебных обрядов с травами — об этом, и говорить нечего.

Если былины, сказки, исторические и лирические песни, пословицы, загадки, дошедшие до нас в записях, в большинстве своем опубликованы и неплохо изучены, то народным заговорам и сказаниям о волшебных травах и корнях повезло меньше. Между тем, эти поверья, легенды, сказочные истории и бывальщины, не говоря уже о поэзии текстов и опыте народного врачевания, отраженных в народных заговорах и

молитвах к Отцу небесному и матушке природе, её стихиям — составляют уникальную часть фольклорного наследия крестьянской культуры.

Этнографическими экспедициями кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по материалам выездов в регионы России в 1953–1993 гг. был осуществлён издательский проект «Русские заговоры и заклинания»¹. Но, к сожалению, записей по народной медицине и знахарских заговоров, сделанных в Костромском крае, здесь немного. Это частично восполнено материалами последующих экспедиций в Костромскую область с участием А.В. Кулагиной, 1994–1996 годов, но после её смерти архив сделанных записей, всё ещё остается недоступен исследователям. Частично о заговорных традициях в Костромском крае было рассказано в фольклорном сборнике 1996 года «Ветлужская сторона»². Однако, о традициях народного траволечения здесь упомянуто лишь попутно с записями семейных календарных обрядов. Но благодаря публикации этих экспедиционных материалов, имеющих большую научную ценность, мы всё же можем частично сравнить некоторые обычаи народного врачевания, народной ботаники прошлого (конец XIX — нач. XX вв.) с оставшимися фрагментами этой традиции в Костромском крае к началу XXI века. Исследовать предметный мир, сакральное пространство и драматургию магических действий народного врачевания и терапии сегодня гораздо труднее чем, скажем, даже лет десять назад. Не все старожилы уже помнят семейные традиции, уходящие в начало XX века, другие не очень охотно делятся знаниями «магических обрядов», полученными от своих родителей, возможно, боясь осуждения в «суеверие и темноте»³.

Недавний экспедиционный выезд в Шарьинский район с целью изучения бытования этих традиций (спустя 23 года после записей «Ветлужской стороны») показал, что, несмотря на частичную утрату знаний о народных методах лечения, есть устойчивое стремление местных жителей преклонного возраста в случае недомоганий и болезни обращаться к народным средствам. Ностальгией проникнуты эти воспоми-

нения по утраченному деревенскому миру с его яркими народными праздниками, когда общение с природой и её исцеляющей силой было одухотворенным и закреплялось вековой обрядовой традицией. Большинство календарных народных праздников сопровождалось в Костромском крае до сер. XX века особыми обрядами с растениями, деревьями, травяными наговорными напитками.

Календарные праздники и культ дерева

На пятидесятый день после Пасхи отмечался самый любимый в народе, по словам костромских старожилов, праздник Троицы, а перед ней, в четверг – Семика («Седмик», «Семерик»). В этой праздничной обрядности *большую роль играла растительность*. Березовыми, пихтовыми, смородиновыми ветками, цветущей травой- кукушкиными слезками и другими *цветами украшали избу*, затыкая их за иконы, наличники окон. Березки ставили к каждому окну и у крыльца. У ворот ставили столько березок, сколько было столбиков (чаще всего три, видимо, потому, что это число ассоциировалось с Троицей). Пол устилали свежескошенной травой и три дня в доме не подметали, «чтоб не тревожить землю, воздух и воду», которые, по мнению крестьян, в это время были «именинницы»⁴.

Основным обрядовым действием Семика являлось *завивание березы и плетение венков*. Делалось это втайне от всех девушками 15–17 лет, хотя в некоторых деревнях ходили и девочки 12–13 лет. «На березках девушки скручивали веточки

колечком и завязывали цветным лоскутком или ленточкой, загадывая на себя, на своего дружка (если таковой имелся) и на всех членов семьи. Здесь же обязательно пили березовый сок, считавшийся целебным, а в воде, смешанной с березовым соком и отваром листьев березы, купали детей»⁵. Обряды завивания березки и кумления девушек восходят, видимо, к тотемистическим верованиям – заключению союза с деревом – берёзой, тотемом, а также к языческому культу священных рощ, в которых в глубокую древность совершались различные языческие обрядовые действия. Кумление, по мнению Фрэзера, являлось отголоском обряда инициации девушек⁶.

«На Троицу ломали молодые веточки берёзки с распутившейся листвой и несли в церковь святить. Затыкали их, как оберег от всего плохого, за наличники избы, а потом, когда был первый выгон скота, этими веточками вместе с освященными вербными прутьями, стегали скотину. Ещё помню – освящённые веточки клали в подполье на урожай картофеля, чтобы картошка не портилась»⁷.

«На Троицу обязательно ходили в лес и заготавливали первоцвет. Березовые ветки освещали в церкви, потом клали к иконе или сovali под матицу, как оберег. На веники березу рвали только после Троицы». «Ещё с Троицы ходили берёзовый сок точить». «На Троицу справляли Берёзкины именины – это был девичий праздник. Его устраивали прямо на «зеленой», а угощение накрывали под берёзой. Главное блюдо – яичница»⁸.

Такое особое почитание берёзы в северо-восточных районах Костромской области сохранилось и до наших дней, чему мы свидетели, присутствуя на народных праздниках в разных районах Костромской области. Культуротворческая деятельность учреждений культуры образования, которая активизировалась с 1990-х годов, а также изменившийся образовательный уровень населения, сохраняющего и возрождающего по собственной инициативе народные праздники, во многом повлияли на сохранение местных традиций. В том числе и особого почитания некоторых деревьев, кустарников и растений.

Кроме берёзы, это были – можжевельник, вереск, ягоды, цветы и листва таких деревьев как рябина, боярышник, липа, дуб, терновник. Применялись в лечебной магии листья ольхи и осины, хвоя ели, кора ивы. Из православной традиции пришли обряды особого поклонения вербе, которую в деревнях считали священным деревом.

«После того, как в Вербное воскресенье вербу освятят в церкви, ее приносили домой и святить ею в избе углы и на дворе, потом клали за иконы до Егорьева дня. Тогда обходили скотину и дом с иконой Егория Победоносца со словами: «Егорий, батюшко Победоносец, спаси мою коровушку на дворе и за двором, в поле и в лесу. От зверей и от людей, от лихого человека». А вот заговор для обхода полей, «чтобы трава росла» и скотина благополучно паслась:

«Батюшка Егорий,
Спаси нашу скотинку,
Скотинку-животинку,
В поле и за полем,
В лесу и за лесом.
Злому-то зверю –
Пень да колода,
А скотинке-животинке –
Травка-муравка,
Зелёный лужок».

Пояснение информанта: нужно говорить эти слова, обходя поле с четырёх сторон. После заклинания, втыкаются колышки-крестики, также со всех четырёх сторон. С этим обрядом обходили все поля и луга, где паслась скотина⁹.

Другим священным оберегом, применяемым в обрядовой охранительной магии во время календарных народных и православных торжеств, старожилы называют можжевельник. Его собирали в Великий чистый четверг. «Подтыкали можжевельник под матицу или над порогом вешали веточки. Запаривали веник в бане, и туда обязательно веточку можжевельника вставляли»¹⁰.

«В Великоденный Четверг собирали вереск. Собирали его до восхода солнца. И зажигали его в Егорьев день: брали веточку вереска и вербы (они были освещенные), соединяли их и поджигали. Затем обходили с горящей веточкой три раза вокруг дома. Как три раза обойдешь, говоришь: «Спаси и сохрани, Господь-батюшко, мой дом благодатный, скотинку-матушку». То, что не сгорело (верба и вереск), оставляли дома или несли на волю в поле или на улицу. Часть оставляли дома, а часть несли на улицу»¹¹.

Травники Ивана-Купалы

Как известно, особенным днем в любой деревне был день и ночь на Ивана-Купалу с 6 на 7 июля по новому стилю, когда по поверьям созревали и раскрывали свои целебные свойства все волшебные травы и цветы матушки-земли¹².

«В этот день все травы расцветают. Кто травы собирает, в этот день должен молчать, традиция такая была, ни с кем не говорить, чисто вымыться и по первой росе идти за травами»¹³. «У кого ноги болят, обязательно нужно в Иванов день по траве побродить, утром рано по росе. В Иванов день травы рвут пораньше, до солнца. Знахарки, только в этот день и собирают. Но сейчас-то травы для лечения болезней мы в любой день в июле собираем»¹⁴.

«Травы выручали нас в голодное военное время не только в Иванов день. Всё, что можно было, собирали деревенские люди в любой день лета. Набивать чем-то живот надо было: насобираешь горстку земляники и завернешь ее в лист подорожника – вот тебе и пирожок. Суп их пестов варили, головки клевера объедали, собирали на отвары шиповник, зверобой. И клевер-кашку ели, и мох белый, много его росло в лесу, насобираем в котомку, потом сушили и заваривали, он станет как кисель, и ели»¹⁵.

Вынос берёзки на празднике Троицы в Музее-заповеднике «Костромская слобода».

Обряд кумления на празднике Троица.

Троицкая яичница на угощение добрым людям.

Недавний экспедиционный выезд в деревни Шарьинского района подтверждает частичную устойчивость праздничных традиций, записанных этнографической экспедицией МГУ в 1994–1995 годах в Шарьинском районе Костромской области. (Ветлужская сторона).

Информанты 1930-х годов рождения¹⁶ отмечают, что в 1950-х–1960-х годах, частично до 1980-х годов, в тех деревнях, которые ещё не превращались в дачные поселения, многие праздничные обряды сопровождалась ритуалами с листвою и цветами деревьев, кустарниками и растениями. Вот что удалось записать от старожилы Поветлужья в самой крупной в городе Шарья ветеранской организации и от её председателя Валентины Евгеньевны Шауровой, 1932 года рождения, об обычаях тех мест, где прошла молодость информантов. Это деревни Большая Слудка, Денисиха, Филатиха бывшего Троицкого сельсовета, деревни Контеевка Шангского сельсовета, д. Сафоновы Павинского района, пос. Голыши, село Ивановское Шарьинского района и другие. У каждой деревенской женщины, как считают, старожилы, был свой опыт травницы, для этого не надо было слыть знахаркой. «Из народных средств лечения самым распространенным была сажа из печки – ранки ею смазывали и царапины. Ещё, если простынет ребенок, сенную труху в бочке запаривали и делали для больного парилку, болезнь и отступала. Это сегодня по 10 таблеток в день чуть что едят, а раньше, помню, даже и в больнице, давали от желудочного расстройства только черные сухари и черничный кисель»¹⁷.

«До трёх лет, маленькой когда была, всё время простужалась. И помню, как меня в кадке парили с сеном. И всё проходило... Мама наберет ромашки и примочки делает. А зверобой всё время заваривали, как чай пили»¹⁸.

В 1950-е–1960-е годы старинные деревенские обряды и обычаи праздников в сельской глубинке северо-восточных районов Костромской области ещё были живы. В разных деревнях они были похожи.

В магических целях использовались растения: папоротник (кочедыжник), чернوبильник, крапива, полынь, одолень-трава (белая речная

лилия или жёлтая кубышка – тут народные суеверия различались, называя одним словом разные растения¹⁹. Эти травы, листья, корни и плоды могли зашиваться деревенским детям в ладанку, её носили на шее или хранили на случай какой беды в красном углу за иконами. Но конкретных случаев с конкретными растениями информанты не помнят.

Интересный пример силы наговорной травы – «багуна» (богульник болотный)²⁰ записан в д. Майтиха Ветлужского уезда в начале XX века В.И. Смирновым, приводится в Трудах КНО по изучению местного края. (Вып. XXVI). «Паны эти шли как-то в село ограбить церковь. Узнавши об этом, жители останавливали всех, кто шел молиться, звали бить панов. Но убить их никак не могли. Пробовали отравить их угаром. Для этого в печь избы, где они располагались ночевать, набросали травы «багуну». От багуну они угорели...»

В лечебных целях, как свидетельствуют старожилы Поветлужья, собирали повсеместно такие травы, как зверобой, иван-чай, белоголовник (тысячелистник), иван-да-марья, подорожник, чертополох, лопух, ромашку, клевер (кашка), мяту, лист смородины и малины, корни и цвет земляники, хмель, майский первоцвет, мать-и-мачеху, таволгу, душицу, сабельник, чистотел. Это были семейные обычаи.

В источниках по народной медицине приводятся легенды по-разному рассказывающие историю о том, откуда появились волшебные травы и сколько их было у природы. Вот одна из таких легенд, записанная у крестьян в начале XX века, где называется конкретная цифра. Будто бы Бог, прежде чем создать человека, начертал на земле его образ и приставил к нему стражем собаку. А чёрт стал искушать её: «Оставь свою стражу, ты ничем не прикрыта, а я тебе за это дам шубу. Собака колебалась. Но искушение было велико, и она отошла от начертанного богом образа человека. Тогда чёрт схватил копыё и нанес начертанному образу человека 70 ран. Но Господь увидел то зло и сотворил против него 70 целебных трав»²¹.

Любопытно, что информанты, у которых записывались воспоминания о том, какие травы

в народе считаются волшебными, а какие – лечебными, сколько их всего было, называли разные числа. Это – 3, 7, 9, 12, а также разные травы. Но проанализировав тексты заговоров поветлужских травниц, можно высказать гипотезу, почему именно эти числа «записались» в их памяти. 3, 7, 9, 12 – в текстах старинных поветлужских заговоров, которые бытовали в этих местах с незапамятных времен, считались сакральными числами²².

По записям 2017 года: «Накануне дня Ивана Купалы с молитвой на вечерней заре собирали спелые травы для лечения 12 болезней. Зверобой, кашку клевера, мать-и-мачеху, чистотел, полынь, траву сабельника и другие (не помню ещё какие)»²³. «Я сама раньше, когда в деревне жила, травы на Иванов день собирала. Нужно было собрать семь трав. Идешь от Бородино к Решетихе – такие луга перед тобой. Целую котомку ромашки лечебной нарвешь. Собирала зверобой, иван-чай, мать-и-мачеху, мяту, душицу, чистотел»²⁴.

«Мама говорила, когда я маленькой была, что в Иванов день надо остерегаться колдунов, которые ходят с вечеру – 12 волшебных трав ищут. Главная среди них – одолень-трава. (Так называли в народе кубышку жёлтую, вех ядовитый)²⁵. Корень толстый, цветы как у кувшинки. Растёт в болотине озерной. Одолевает будто бы эта трава человека»²⁶.

В список лекарственных трав, упоминающихся в «Русском народном лечебнике XVII века» из фондов ГАКО – рукопись из Чухломского краеведческого музея им. Писемского, входит 17 трав. Это чернوبиль (ник), крапива (семя, сок), пушник (болотный корень), частичка трава (ягода как зелёная смородина), смородина (лист), хмель, белена, маковое семя, белая заячья капуста, полынь, конский щавель, ветреница, шафран, пастуший пест, дягель, чабра, сабельник²⁷.

Вот несколько самых простых рецептов из него: «Ст.1,п.1. От головной боли – «у кого голова болит, искроши травы чернوبиль мелко да свари с вином или уксусом, а вари час и с корнем, да положи больному на голову, держи час, чтобы пропотел, да прикладывай по три дни, по моему будет».

Ст.4, п.6. О грыже. «...У кого грызет возьми пушника болотного коренья, растолки в теплом (слово не понятно. Т.Г.), мажь. Или «...кому не поможет, – уваривши в трёх печах, запечатай. Дай ему пить того варенья».

Ст.5, п.10. «Растёт в огороде частичка трава, ягоды на ней как смородина зелёные, и тем зацеживай и прикладывай теми ягодами...»

Ст.7, п.12. «Аще у человека зубы болят – истолки белену мелко с воском да сделай трубку, конец тое трубки поставь на больной зуб, а другой конец трубки зажги и паром до той поры, пока место зуба больного разгорится».

Ст.16, п.21. О лечении ожогов. «...возьми еловой хвои молодые сплетения да зацеживай и прикладывай к горелому месту, от того живет».

Ст.20, п.25. Аще человек держит у себя конский щавель, много от него цельбы бывает...его с водою вари и пей по рану и облегчит живот».

Ст.24, п.29. «Аще у которого человека сухой кашель держит и пить тоже зелье...»

Ст.40, п.45. Об отравлении – кого «окормили дурным зельем, ешь дягель с утра по рану. Выкинешь все зло, или в воде вари – выкинешь все назад».

Ст.41, п.46. Если «человек отчет, ешь семя крапивное с медом пресным. Будет от той болезни жить, пей крапивный настой с вином».

Ст.42, п. «Буде у человека застарел кашель, смешай крапивное семя с медом пресным, пей по рану»²⁸.

У С.В. Максимова в главе «Знахари-шептуну»²⁹, написанной, в том числе, и по этнографическим наблюдениям в Костромском крае, читаем: «Бесконечное разнообразие знахарских приемов и способов врачевания, составляющее целую науку народной медицины, сводится, в конце концов, к лечению травами. Знахари гордятся своими ботаническими сведениями и хвастаются тем, что им известно 99 сортов трав (более скромные упоминают лишь о 77). Из этих трав для каждого знахаря обязательно держать всегда дома 12: цикуту или одолень, семена белены, корень лапчатки, богородицкую траву, волчьи ягоды, корень морковкина, корень папоротника, куричью слепоту, паутинник, земляные орехи, купавку, бузинный цвет».

В других источниках приводятся народные названия девяти волшебных трав³⁰, которые современному человеку без специального словаря и не понятны. Но такой флористический «Словарь-травник» доктора биологических наук В.В. Шутова, к счастью есть, и он позволяет нам приоткрыть тайну волшебных трав. («Словарь-травник ведуна, знахаря и колдуна». – Кострома, 2010)

В источниках утверждается, что в прошлом названные девять волшебных трав встречались в описании народных рецептов лечения болезней и магических обрядов почти повсеместно³¹. Это:

Адамова голова – венерин башмачок (Шутов. С. 17). Собирали это орхидное растение на Иванов день, применяли в Великий четверг перед Пасхой – окуривали избу.

Девятисил – девясил высокий (Шутов. С.171). Скрытно от всех окуривали со смолою и травой курник – спасали кур от домового. У крестьян было поверье: если сорвать траву в канун Иванова дня, до восхода солнца высушить, смешать порошок с ладаном и носить в ладанке 9 дней, а потом положить тайно в одежду любимой особы, то можно её приворожить³².

Сон-трава – это белладонна обыкновенная. (Шутов. С.135). Собирали в мае при жёлто-голубом цветении. Считали, что обладает пророческой силой – предсказывать сонным людям о добре и зле. Сильный яд в больших количествах³³.

Трава колюка – дурман (Шутов. С.84). Этой травой пользовались знахари для лечения разных нервных болезней. Жило суеверие, что волшебная сила её особенно расположена к птичьим охотникам – ею окуривают ружья, и тогда они метко стреляли.

Плакун-трава. По М. Забылину – «это всем травам мати», корень её охраняет малодушных людей от всякого соблазна, лечит 12 болезней. По старинному поверью она зародилась тогда, когда пречистая Богородица оплакивала своего Сына и «ронила на ... сырую землю» слёзы. Точного указания на то, что это за трава у автора не было: он считал, что это либо иван-чай, либо зверобой или дикий василёк³⁴. В «Словаре-травнике ведуна, знахаря и колдуна» В. Шутова приводится такое название этой волшебной травы – дербенник иволистный (Шутов. С.115)

Трава прикрьш – борец северный (Шутов. С.141) Корень этой травы употребляли в свадебных обрядах, чтобы уберечь невесту от сглаза.

Терлич-трава – это золототысячник обыкновенный (Шутов. С.141) В народе жило суеверие, что с помощью этой травы колдуны имели дар превращения в любое животное, считая эту траву великим сокровищем. (Забылин. С.446)

Трава-блекота – белена. Поверье было такое: кто держит её в руке, не должен бояться никакой опасности. Белены объелся, – говорили в народе, – ничего не боится, дурит. (Забылин. С. 446)

Разрыв-трава – лапчатка обыкновенная; недотрога обыкновенная. (Шутов. С. 124) Волшебна трава, которая по народному поверью помогала открывать любые замки. Не менее чуден и ритуал, с помощью которого её можно было добыть³⁵.

Трава нечуй-ветер – самая загадочная из волшебных трав. Не удалось определить её современного названия. По суеверному преданию траву эту могли видеть только слепые, росла она по берегам озёр и рек, силу волшебную имела в канун Нового года в Васильевский вечер. «Изобретатели этого чарования» усложнили задачу, сделав траву доступной только слепым, – не случайно в словаре В. Шутова расшифровки названия травы нет.

В собрании крестьянских обычаев и суеверий М. Забылина, на которое ссылаются все исследователи народной медицины и заговоров³⁶, кроме названных волшебных трав описаны сакральные свойства таких растений (народные названия) как *папоротник*, *крапивное коренье*, *трава козлец*, *трава галган*, *одолень-трава* (кто имеет корень этой травы в доме, может преодолеть любое препятствие, с этим корнем можно победить сердце молодой девушки); *петров крест* (носить в ладанке порошок корня тому, кто плохо живет, от нечистой силы); *трава песий язык*, *чернобыльник*, *ятрыжник* (*кукушкины слезы*), *трава чистотел*, *ноготки* (если носить на себе, то человек всегда будет жить со всеми в мире и будет правым на суде. (Забылин. С. 444–446).

По опросам информантов 1930-х годов рождения, применение таких трав в магических

целях им не известно. Становятся понятны причины утраты традиции «волхования» с волшебными растениями: опыт знахарства к 2010-м годам оказался практически утрачен, носители магической традиции не смогли передать своим родственникам сакральный смысл обрядов и названия растений, в общественном мнении советского и постсоветского периода эти суеверия осуждались и даже преследовались.

О традициях врачевания и знахарстве

«Была у нас в соседней деревне знахарка. Она не только травами лечила, но и крестила на дому. Иногда некрещёных даже и не принимала. Говорила: не поможет, если не крещён. Это было в 60-х, когда оторвана была вера у народа. А деток-то хотелось людям окрестить. Тайно приходилось крестить. И такие были люди, которые докладывали, до обкома партии доходило, и ведь наказывали за это – работу можно было потерять...»³⁷

Что касается знахарок, то в этот экспедиционный выезд, встретить таких и записать – не удалось. В «Словаре говоров костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовой это ремесло обозначено так:

1. «Знахарить. Заниматься лечением непрофессионально. *Как она умела знахарть!* Буй. 2. Знахарка. Женщина лечащая заговорами. *Маруся знахарка всех травами пользовала.* Чухл. (Дудино). 3. Знахарь. Мужчина способный лечить заговором. *Жил в соседней деревне у нас знахарь.* Буйск. (Ушаково)»³⁸.

О правилах и знахарских обычаях, которые надо было соблюсти, прежде чем приготовить лечебное снадобье, старожилы рассказывали, вспоминая, как лечили их в детстве. «Много было раньше в деревнях женщин-знахарок. Почти каждая женщина умела помочь своим родным советом, какую травку от чего принять. Откуда знали? Так повелось уж, от родителей, наверно. Но были и знающие, к кому ходили, когда случится что-то серьезное. Вот был у меня такой случай. Девочкой ещё в масленицу качалась на качели, большой из брёвен, и упала, вывернула ногу. Меня на руках принесли домой. А почему это случилось-то... Мать не отпускала

и что-то в след плохое сказала. Меня в больницу возили, но ничего у них не получилось. А вылечила бабка-знахарка из соседней деревни. Наливала чистую воду в таз, наговаривала и мыла ногу, гладила долго, ставила косточки на место, нога-то у меня опухла. И ведь вылечила»³⁹.

Традиции и правила знахарства были строгие, и простой крестьянке их было недосуг выполнять. Вот тогда они и обращались к знахаркам-травницам. Из рассказа Нины Алексеевны Страховой, 1931 года рождения, д. Смолыха Нейского района, со слов её матери Анны Степановны Гусевой, 1914 года рождения, д. Амбросиха Межевского района: «Время суток, когда можно рвать лечебные травы и шептать: утро перед восходом солнца или вечер перед заходом солнца, полдень, когда высохла роса, или полночь, когда на небе зажигаются звезды. Надо правильно выбрать место для лечения: можно дома, можно в поле, лучше у реки, где проточная вода. Травы надо брать с молитвой и руками. Домой больной должен возвращаться молча. Ни с кем не встречаться, не говорить».

«Когда сын маленький заболел, мама мне говорит: о чем думаешь, иди к бабке-знахарке. Жила такая в деревне, Марией звали. Ну, я ребёнка хватаю, прихожу, а она головой качает: «Ох, надо бы пораньше... Уж болезнь увеличена. Ну, что делать...».

– Давай, – говорит, – приходи три дня утром рано, пока солнце не встало, и три вечера, пока не закатилось». Ходила и помогло: знахарка эта Мария Сафонова зашёптывала грыжу у деток. Платочек носовой положит на грыжу, закусит это место через платок, обязательно с молитвой. Потом надо было положить платок ребёнку больному под подушку. А на следующий раз новый, чистый платок принести, и так три раза. И всё у моего сына прошло без операции. И дочь этой знахарки тоже умела делать. Лечили они ещё от заикания. Говорят, что дочь-то в Шарье теперь живет, и тоже лечит, заикание. Но где – не знаю»⁴⁰.

«Я знала знахарку Орину Балданскую. Было у нас такое место – Балдан, там она и жила, ни дома у неё не было, не лома, как говорится. Моя мама к ней ходила по женским болезням. Она лечила, ещё к ней и гадать ходили»⁴¹.

«Сама ходила к бабке Нюре, когда была молодая. Но они ведь ничего не рассказывают, как лечат. Вам их не записать. Им нельзя ничего говорить об этом – дар пропадёт. Раз они с молитвой лечат, думаю, этот дар от Бога. А колдунам, тем от нечистой силы, наверное...»⁴².

«Люди верили знахаркам, не боялись их. Может, это и хорошо было, что верили. Поэтому и исцеляло, хоть и суеверие, конечно. А теперь вместе с верой от народа ушла и совесть. Когда люди верят, они честные, они не могут обижать других. А сейчас всё пошло да поехало...».

«Бабок знахарок раньше много было, а теперь нет, дак и деревень-то уже настоящих нет. Они не выделялись из народа. Такие же были, как все, и одевались обычно по-крестьянски. Душевные были...»⁴³.

Моя бабушка, Антонина Николаевна Смирнова, не раз обращалась в 1960-е годы к знахаркам, чтобы вылечить «надрывницу». Вот её наблюдения: знахарки не подают людям руку при приветствии, «они здороваются словами, потому что берегут свои пальцы». Считалось, что через прикосновение рук они могут отдать свою силу. Если знахарка поранила палец или руку, то она её не лечила, а ждала, когда рана заживет сама. За свое лечение она принимала только подарки в знак благодарности, а не назначала платы, считая это грехом. Иногда могла взять и продукты к столу. Бабушка знахарок побаивалась. Всегда одаривала подарками после лечения, чтобы болезнь не вернулась к ней обратно. А про колдунов говорила, что обращаться к ним – последнее дело. Очень их опасалась, так же как и цыганок. На улице Белозёровской в Шарье, где прошло моё детство, не только она, а все соседи, когда видели идущих в калитку цыганок, ищущих подаяния, тут же закрывались в доме и не показывались, боясь даже посмотреть в окно, «чтобы не сглазили». Самые «сердолобивые», как моя бабушка, прямо на крыльце оставляли им подношения. Но большинство были ещё более суеверны – боялись, что на подношение, если оно не понравится, тоже будет «сделано».

(К слову, самым простым и распространенным оберегом от порчи считалось ещё «делание кукиша». Чтобы не сглазили в общественных местах, например, в магазине, на работе, на улице или когда на вас кто-то пристально смотрит, советовали сделать левой рукой «кукиш» в кармане или просто незаметно для окружающих. Это поверье ещё исправно исполнялось в 1960-е–1970-е годы. Существовал и другой способ оберега от порчи, сглаза: бабушка прикалывала своим внукам и внучкам на одежду с изнаночной стороны булавки головкой вниз).

Некоторые пожилые женщины, выходцы из деревни, и до сих пор верят в порчу, обращаясь, как к средству от нее, к заговорам. Ладанки с волшебными, магическими растениями при этом уже не используются. Эта традиция забыта. Для лечения применяются ими лишь известные от родителей лечебные растения, некоторые ведут свои выписки. Вот сведения о том, какие порчи, «какие тишинки нападают на ребёнка» и как их лечить: ревуха – ребенок плачет, томуха – ребенок до 5 месяцев как не развитой. «Надо пойти в три дома попросить хлеба. Сделаешь сосульку – пососить. И отчитывать с Иисусовой молитвой, чтобы ребенок не свихнулся»⁴⁴.

«Чичас говарят: урочат, сглазят. Ребёнок плачет – какой глаз поглядит на ево. У детей грудных ...щетка бывает, волосики грубые на спине. Камочек накатывают теста, ани и вылезают». «Народное средство лечения утиной: когда спина болит надо больного положить поперек порога и постукивать обухом топора по больному месту с приговором: «Чего рубишь? Утин рублю. У кого рубишь? У рабы Божией Марии»⁴⁵.

Эти записи приведены по данным Нины Семеновны Ганцовской, известного в России диалектолога, доктор филологических наук, чьи уникальные книги о крестьянском краснословии Костромского края у нас по достоинству ещё, мне кажется, не оценены. В течение более 10 лет собирала она вместе со студентами костромскую диалектную лексику по теме «Народная медицина».

Судя по опросам информантов, текстов заговоров они не помнят, хотя о некоторых обрядах знахарок – «шептунный» им известно. Старожилы называют заговор ещё «молитвой»,

«наговором» или «приговором», «шептанием». В Костромской области заговоры не поют, не произносят в полный голос, а шепчут⁴⁶. Они могут быть построены в форме молитвы, приказа или требования, угрозы, побуждения, либо пересылки болезни растению, животному, какому-либо предмету⁴⁷. Вопрос о том, какие здесь предпочтения, именно в Костромском крае, – не изучен, хотя по другим регионам Русского севера исследований много⁴⁸.

Возможно, стоит в рамках данной темы, привести здесь тексты заговоров на травяные настои и заклинательные формулы, которые применялись при лечении разных болезней в семье А.Н.Смирновой (Гороховой), 1897 г.р., д. Большое Соколово Ветлужского уезда.

«Куда вода, туда и худоба...»

«Господи, очисти душу многогрешную. Куда вода, туда и худоба. Аминь». (Три раза повторяется, когда умываешься или в бане последний раз окатываешься водой. Запарка с листом берёзы).

Налить в стакан воды или травяной сбор из трёх трав (крапивы, мяты, зверобоя) и наговорить три раза:

«Стану я, раба Божия, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из ворот воротами в чистое поле, в зелёную дубраву. В зелёной дубраве стоит белая берёза во двенадцати корнях. Как на мне не держится ни утренняя роса, ни вечерняя роса, так не держитесь ни уроки, ни скорбь, ни болезни, ни страхи-переполохи, ни ветряные переломы от русских и белокурых, от серых и чёрных, от двоезубых и троезубых, от двоежонных и троежонных, будьте слова мои крепки и лепки, крепче и легче клею осетрового. Аминь». (Выпить глоток, тому, с кого снимают порчу, надо смочить лоб и волосы три раза).

«Чтобы ребенок хорошо спал и рос здоровым. «Парили ребёнка в бане березовым веником, обязательно в него втыкали веточку полыни и приговаривали:

«Ножки, ходите,
Сашеньку носите,
Язык, говори,
Буйну голову корми».

«Как зубы заболят, надо чесноку зубочек на больной зуб положить и вечером, когда месяц на небе есть, три раза говорить, когда печь топится, чтобы с дымом всё уносило: «Месяц, месяц, у тебя не болят ни зубы, ни десны, так и у раба Божьего (имя), не болите ни зубы, ни десны. Аминь». (Читать три раза.)

Заговор от бородавок. «Нужно взять суровую нитку, завязать на ней девять узелков и обмакнуть в настое полыни или чистотела. (Если бородавок много – по числу бородавок). Бородавку этой ниткой очерчивают три раза. Бабушка говорила так: «Надо безымянный палец ниткой окутать (обмотать) и очерчивать против часовой стрелки каждую бородавку. Потом нитку нужно бросить в подполье, можно закопать. Как нитка перепреет, так и бородавки исчезнут. Надо сказать: «Эти бородавки иссыхайте, пропадайте и у раба Божьего (имя рек). Аминь»⁴⁹.

«Берут свежей воды, наливают её в стакан. Кидают туда три угля: первый уголь – от уроков, второй – от озепу (сглаза), третий – от своих дум. Читаешь «Отче наш» три раза. Потом от уроков молитву читают: «Все уроки да озепы, сгорите на огне, уплывите по воде. Аминь». (Ребёнка умывали этой водой. Взрослого – надо взбрызнуть невзначай).

Заговоры от всех болезней

«Уходите все уроки и призоры с раба Божьего с такого-то на леса, на болота, на вязучие, на дремучие! Будь молитва крепка и легка, крепче камня, крепче железа, заприся замком».

«Крест со мной, крест передо мной, вся Господня сила со мной. Откуда пришло, туда и иди, рабицу Божью (имя) освободи. Из лесу пришло, в лес иди, от народа пришло, к народу иди, с воды пришло, на воду иди». (Угли взять из печи: первый уголь – от уроков, второй – от озепов, третий уголь – от злых людей. Положить в воду и читать молитву, водой умыться и выплеснуть через левое плечо на запад, где солнце закатывается)⁵⁰.

Мысль о том, что закликательные традиции Костромского края, как и правила народного врачевания – это важная часть фольклорного наследия уходящей крестьянской культуры, надеюсь, привлечет к исследованию этой темы и специалистов, и тех, кто не утратил интереса к традициям прошлого. На основе рассмотренного материала можно сделать выводы о том, что семья на протяжении XX века являлась тем социальным институтом, благодаря которому происходило и происходит сохранение и передача народных обычаев от одного поколения к другому. Сегодня эти традиции мы ещё можем записать, а также пронаблюдать, как время стирает суеверия и верования предков. Взамен утраченному опыту приходит новый, где меньше суеверий и веры, но присутствует тоже народное стремление жить в ладу с собой и природой.

Примечания

1. Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953 – 1993 гг. / Под ред. В.П.Аникина. – М.: Изд-во МГУ 1998. (Русский фольклор в новых записях). <http://www.philol.msu.ru/~folk/old/sci&pub/rzz.htm>
2. Ветлужская сторона. Вып.2.- Шарья, 1996 г. – Вступительная статья, составление, примечания и общая редакция А.В. Кулагинной.
3. «Народная медицина, траволечение, знахарство».- Диктофонная запись информантов экспедиционного выезда в Шарью – март 2017 г. Записано автором в марте 2017 г. у Костеровой Л.В., 1953 г.р., город Шарья.
4. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Лобовой Л.Б., 1937 г.р., родилась в д. Коневке Шангского с/с Шарьинского р-на
5. Там же.
6. Фрэзер Дж.Золотая ветвь. Исследование магии и религии. – М., 1986.
7. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Лобовой Л.Б., 1937 г.р., д. Коневка Шангского с/с Шарьинского района.
8. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Беляковой Г.Н., 1941 г.р., родилась в д. Сафоново Шангского с/с Шарьинского р-на.
9. Записано в 1994 г. у Александры Петровны Ватагиной, 1904 г. рождения, в д. Бычиха Шарьинского района). // Губернский дом. №4-1999.
10. Записано автором в марте 2017 г. в г. Шарье у Страховой Н.А., 1931 г.р., родилась в Нейском районе (разъезд 49).
11. Ветлужская сторона. Вып.2.- Шарья, 1996 г. Записано у Смирновой Т.П., 1911 г.р. в Шарьинском районе, д. Пищёвка Костромской обл. в 1994 г.
12. Забылин М. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды и суеверия. – М.: Эксмо, 2002.; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. – Т. 3. – М.: (Репринт) Индрик, 1994.
13. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Беляковой Г.Н., 1941 г.р., родилась в д. Сафоново Шангского с/с Шарьинского р-на.
14. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Лобовой Л.Б., 1937 г.р., родилась в д. Коневке Шангского с/с Шарьинского р-на.
15. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Шауровой В.Е., 1932 г.р., родилась в д. Денисиха Троицкого с/с Шарьинского р-на.
16. Записано автором у Шауровой В.Е., 1932 г.р., родилась в д. Денисиха Троицкого с/с Шарьинского р-на; у Лобовой Л.Б., 1937 г.р., родилась в д. Коневке Шангского с/с Шарьинского р-на; у Страховой Н.А., 1931 г.р., родилась в Нейском районе (разъезд 49); у Лобовой Л.Б., 1937 г.р., родилась в д. Коневке Шангского с/с Шарьинского р-на.
17. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Шауровой В.Е., 1932 г.р., родилась в д. Денисиха Троицкого с/с Шарьинского р-на.
18. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Сукмановой Н.Е., 1946 г.р., родилась в д. Сафоновская артель Павинского района.

19. Шутов В.В. Словарь-травник ведуна, знахаря и колдуна. – Кострома, 2010.

20. Там же. – С. 31.

21. Неуступов А.Д. Из преданий и легенд крестьян Васьяновской волости Кадниковского уезда. // Этнографическое обозрение. 1901. №1 – С. 168. Приводится в Энциклопедии суеверий. – М.: Миф, Люкид, 1995. – С. 446.

22. Заговоры. // Ветлужская сторона. Фольклорный сборник. Вып.2 Вступительная статья, примечания и общая редакция А.В. Кулагина. – Шарья, 1996 г. – С. – 175 – 186

23. Записано в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Лобовой Л.Б., 1937 г.р., д. Коневка Шангского с/с Шарьинского района.

24. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Беляковой Г.Н., 1941 г.р., родилась в д. Сафоново Шангского с/с Шарьинского р-на.

25. В.В. Шутов. Словарь-травник ведуна, знахаря и колдуна. Флористический народный словарь.- Кострома, 2010 г. – С. 109.

26. Записано автором в марте 2017 г. в г. Шарье у Страховой Н.А., 1931 г.р., родилась в Нейском районе (Разъезд 49).

27. Лечебник XVII столетия. ГАКО. Ф. Р-550, оп. 1 (доп.) Фонд Лебедева Г.И. Рукопись. Списки растений, упоминающихся в лечебнике, составленные Лебедевым Г.И. – Чухлома. Записи 1952 г.

28. Там же.

29. Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Репринтное издание. – Смоленск: Русич, 1995. – С.384

30. Волшебные травы // Энциклопедия суеверий.- М.: Миф, Локид, 1995.- С. 445-446.

31. Сахаров И.П. Сказания русского народа. Народный дневник. Праздники и обычаи. – СПб., 1885. – С. 6; Забылин М. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды и суеверия.- М.: Эксмо, 2002.; Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – 2 т.

32. Забылин М. – С.445.

33. Там же. – С.446. Об этом же ссылка на источник. – Сахаров И.П. Сказания русского народа. Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловия и притчи. СПб., 1885.

34. Энциклопедия суеверий. – М.: Миф, Люкид, 1995. – С. 446.

35. Там же. – С.364

36. Забылин М. – С. 187, 408, 423, 437, 444-445.

37. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Шауровой В.Е., 1932 г.р., родилась в д. Денисиха Троицкого с/с Шарьинского р-на.

38. Ганцовская Н.С. «Словарь говоров костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи»– Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный клуб «Книговек», 2015.- С. 133

39. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Шауровой В.Е., 1932 г.р., родилась в д. Денисиха Троицкого с/с Шарьинского р-на.

40. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Беляковой Г.Н., 1941 г.р., родилась в д. Сафоново Шангского с/с Шарьинского р-на.

41. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Сукмановой Н.Е., 1946 г.р., родилась в д. Сафоновская артель Павинского района.

42. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Лобовой Л.Б., 1937 г.р., д. Коневка Шангского с/с Шарьинского района.

43. Записано автором в марте 2017 г. в пос. Ветлужский у Шауровой В.Е., 1932 г.р., родилась в д. Денисиха Троицкого с/с Шарьинского р-на.

44. Ганцовская Н.С. Костромское народное слово. – Кострома, 2003. – С. 132-133.

45. Там же. (Запись у Лебедевой М.И., 1928 г.р., д. Церковное Кологривского р-на.; у М.А. Смирновой, 1921 г.р., с. Чежемское Кологривский р-н.)

46. Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы. (По старинным рукописям и современным записям). – СПб, 1909. – Вып. 2.

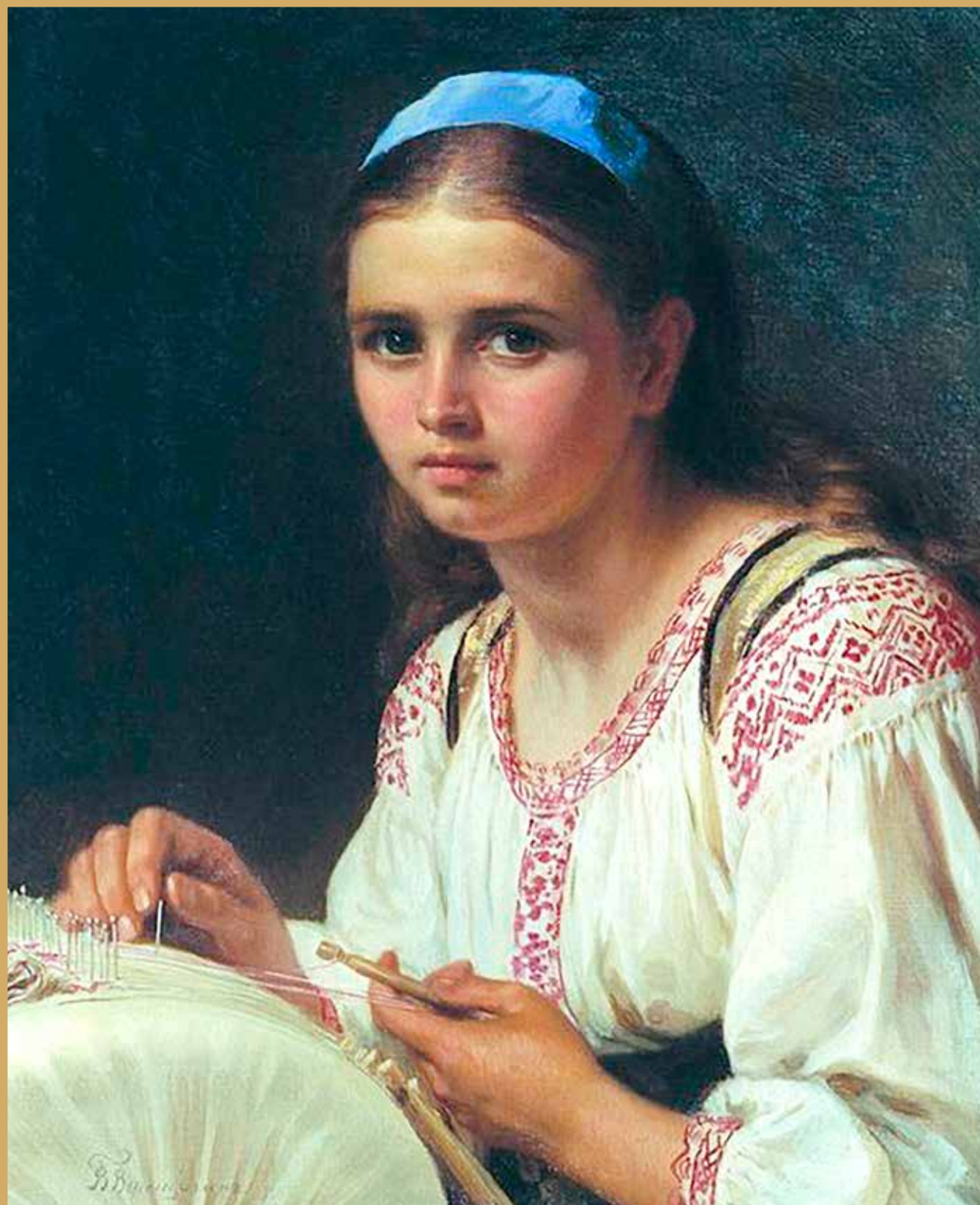
47. Там же.

48. Дана обширная библиография этой темы. Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953 – 1993 гг. / Под ред. В.П.Аникина. – М.: Изд-во МГУ 1998. – 480 с. – (Русский фольклор в новых записях). <http://www.philol.msu.ru/~folk/old/sci&pub/rzz.htm>

49. Эти заговорные обряды и народные спасительные молитвы записаны в 1982 г. по воспоминаниям у Смирновой Г.А., 1926 г.р., г. Шарья Костромской обл. Источник информации с её слов от матери – А.Н. Смирновой., 1897 г.р., д. Большое Соколово Ветлужского уезда.

50. Эти заговоры записаны в 2000 г. у Андриановой Р.А., 1927 г.р., г. Шарья Костромской обл.

ОЛЬГА РУМЯНЦЕВА,
кандидат культурологии, доцент КГУ,
старший научный сотрудник
Музея-заповедника «Костромская слобода»

ТАТЬЯНА КРИНИЦЫНА И ЕЕ КРУЖЕВО

Татьяна Александровна Криницына родилась 29 ноября 1940 года в городе Костроме. С детства была творческой личностью, училась в художественной школе. Будучи ребенком, своими руками шила куклы и кукольную одежду, вышивала крестиком, делала кукольную мебель, бегала с собственноручно изготовленными воздушными змеями. После учебы в школе ей не удалось сразу поступить в институт, пришлось работать. Но через несколько лет Татьяна Александровна все же поступает в Костромской государственный педагогический институт им. Н.А. Некрасова на художественно-графический факультет, который в 1967 году успешно закончила. Татьяна Александровна постоянно проявляла интерес к декоративно-прикладному искусству, различным ремеслам и рукоделиям. В процессе творческой деятельности она освоила вязание крючком и спицами, шитье, макраме, лоскутную технику, плетение из бересты, различные виды вышивки (в том числе лицевое и золотное шитье), технику плетения на коклюшках, закончила курсы иконописи.

Татьяна Александровна активно участвует в творческих конкурсах, выставках декоративно-прикладного искусства, праздниках народных ремесел: в Москве, Галиче, Петрозаводске, Каргополе и других городах России. Она награждена грамотами, дипломами, медалями. Принимала участие в костромском телевизионном конкурсе «Человек года 2003».

Плетение на коклюшках занимает особое место в творчестве Татьяны Александровны Криницыной. Азам ремесла она училась в Костроме, но у вологодской мастерицы Юлии Николаевны Микешинной. Потом ей попалась книга Приходько Е.Н. и Юрьевой Н.Н.

«Плетение кружев на коклюшках» (изданная самиздатом и привезенная из Калининграда). Приобретенные знания и навыки помножились на опыт и собственные усовершенствования. Например, некоторые приемы ткачества (сразу после школы Т.А. Криницына работала в художественной мастерской Костромской фабрики им. Октябрьской революции) она объединяла с приемами кружевоплетения. Особенно внимательно мастерица изучала технику изготовления вологодского и галичского кружева, применяя ее в своем творчестве. В дальнейшем Т.А. Криницына уже сама делилась секретами мастерства кружевоплетения, у нее есть ученики. Огромное значение для развития народного декоративно-прикладного искусства в Костромской области имел Всероссийский праздник народных ремесел в Каргополе в 1991 году, в котором участвовали костромичи, Татьяна Александровна была в их числе. Костромские мастера многому научились во время посещения мастер-классов и творческих встреч.

В 1991 году Т.А. Криницыной была организована мастерская-студия по плетению на коклюшках в Центре научно-технического творчества учащейся молодежи профтехобразования (теперь это образовательный центр «Истоки»). В последующие годы в Костроме существовали различные частные центры и курсы по кружевоплетению, в частности при учебно-производственной мастерской «Ромашка», мастерская-студия «Александровское братство» при епархиальном детском центре «Ковчег», проводились выставки исторического и современного кружева. Во всех мероприятиях активное участие принимала Т.А. Криницына. Татьяна Александровна занималась как самостоятельным творчеством, так и вместе с другими мастерицами. Одна из самых интересных совместных работ – изготовление кружевной скатерти по заказу подарочного отдела Министерства иностранных дел России.

Вологодское кружево на сегодняшний день является одним из самых известных брендов России. Как выглядит вологодское кружево, примерно представляют все.

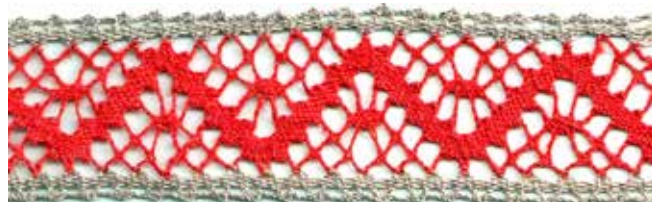
Т.А. Криницына (в центре)
с митрой золотного шитья. 2015 год.

Костромское же кружево менее известно: галичское, солигаличское, варнавинское (парфеньевское) кружева обладают своими технологическими приемами. Наиболее сложным является галичское кружево, для изготовления которого используется очень большое количество пар коклюшек. Оно так и называется: многопарное. Именно в силу своей трудоемкости это кружево менее распространено, чем более простое вологодское, поэтому заслуги Татьяны Александровны Криницыной в изучении и распространении галичского кружева трудно переоценить.

Татьяна Александровна не только восстанавливает приемы изготовления галичского кружева, но и изучает его, пишет научно-популярные статьи. В частности, ей были изучены и сделаны сколки с образцов кружева, хранящегося в фондах Костромского музея-заповедника. Кроме того, мастерица разрабатывает и создает сколки кружева по своим рисункам, собирает коллекцию кружева, основу которой составляют как собственные изделия, так и выполненные ее учениками.

В апреле–мае 2017 года в Музейно-выставочном центре Костромского историко-архитектурного и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода» открыта выставка «Волшебная нить. Кружево и вышивка из коллекции Т.А. Криницыной», которая является очередным вкладом Татьяны Александровны в развитие и распространение этого замечательного вида искусства.

Работы Т.А. Криницыной

Реконструкции Т.А. Криницыной с древнего
галичского кружева и кружева других районов
Костромской области. 2000-е годы.

Татьяна КРИНИЦЫНА,
мастер кружевоплетения
и вышивки

ГАЛИЧСКОЕ КРУЖЕВО XVIII – XIX СТОЛЕТИЯ

Галичское кружево и Галич, как центр кружевоплетения, упоминается во многих источниках. Коллекция Галичского и Солигаличского кружева хранится в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге, Государственном историческом музее в Москве и незначительное количество экспонатов в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (КГИАХМЗ).

Как появилось кружевоплетение в Костромской губернии сведений нет, но в конце XVIII столетия в городе Галич уже сложился вполне определенный тип кружева с особыми, только здесь известными узорами и особой манерой исполнения. Кружево плели многопарным, самым трудоемким способом плетения, но в котором с наибольшей четкостью можно передать очертания различных изобразительных мотивов. Количество пар коклюшек доходило до девятист, ширина кружева при этом пятьдесят-семьдесят сантиметров.

В XVIII веке галичское купечество было настолько богатым, что дочери и жены купцов занимались кружевоплетением для удовольствия, это было их домашним рукоделием. Расцвет кружевоплетения в Галиче относится ко второй половине XVIII и первой четверти XIX столетия. Все кружево того времени предназначалось для парадных декоративных полотенец и подзоров из тонких фабричных белых тканей, иногда белых узорных. Нити для кружева, использовали в этом случае очень тонкие, льняные, до трехсотых номеров. В последние годы XIX века кружево выплетали исключительно для домашних нужд и материалом служила далеко не тонкая льняная нить. Кружево того времени, столь тонкое и богатое по материалам, изысканное по образу, не могло найти продолжения в работах сельских мастериц-кружевниц.

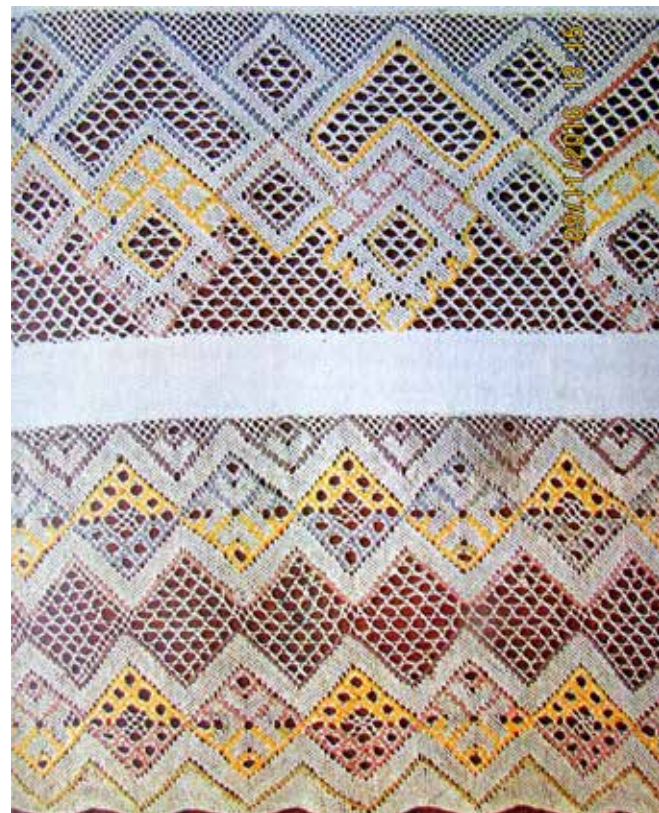
Галичские мастерицы-кружевницы создали свою художественную манеру в кружевоплетении. Она характеризуется, с технической стороны, сочной манерой многопарного плетения, многоцветностью шелкового узора с преобладанием светлых тонов на фоне небеленой льняной решетки, введением золотой и серебряной нитей. Во второй половине XIX века основные цвета в кружеве преобладали обычно теплых золотистых, охристых и розовых тонов, перемежаясь с травчато-зелеными и приглушенно-изумрудными. Галичские кружева были особенно изысканными по гамме, где цвет в каждой форме орнамента перетекал от теплого, мягкого охристого в холодноватый серо-зеленый, объединенный общим золотистым рельефным контуром. Красота этого тончайшего многопарного кружева усиливалась множеством ажурных решеток, заполняющих середину мотивов. Богатство оттенков цветного шелка на нарядных галичских кружевах дополнялось еще и сиянием серебряных или золотых мотивов из металлических нитей, создавая сложную гамму прозрачного узора.

В орнаментике галичских кружев, кроме птиц-пав, стерегущих цветущий куст, входят человеческие фигуры, лани, олени, грифоны, двуглавые орлы. На некоторых образцах выплетены нарядные картуши в виде овалов, замкнутых и разорванных, изогнутые разнообразные цепочки – своеобразное народное преломление эпохи барокко.

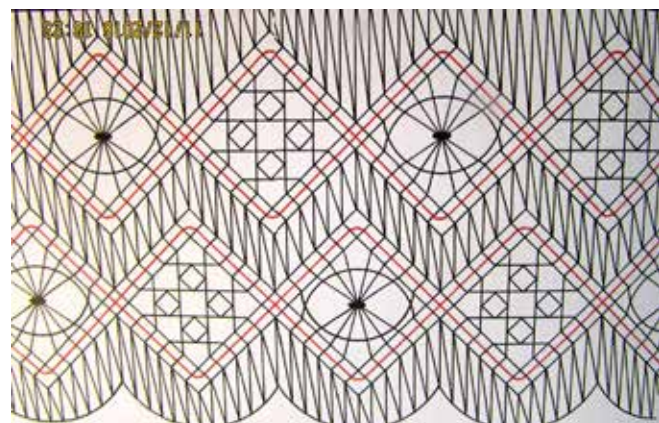
Кружево Солигалича и других районов Костромской земли

В середине XIX века нитяное кружево стало распространяться среди малоимущих слоев городского населения и крестьян. Этот процесс усилился после отмены крепостного права в 1861 году. «К началу XX века в 17 губерниях России насчитывалось уже 100 тысяч кружевниц. Костромская губерния не была исключением.

Наряду с Галичем кружевоплетение развивалось и в городе Солигаличе, находящемся севернее, у самой границы с Вологодчиной. Здесь кружево никогда не было промыслом;

Край и прошва полотенца. Кон. XIX в.
Костромская губерния. Солигалич.

Сколки для солигаличского кружева на коклюшках.

плели для себя. О раннем периоде развития солигаличского кружева ничего не известно. Образцы кружева, дошедшие до нас, относятся ко второй половине XIX века. Техника этих работ многопарная, как в Галиче, хотя число пар невелико, всего пятнадцать – двадцать. Орнамент в солигаличском кружеве преобладает в основном геометрический, с ритмичными деталями узора, хорошо связанными между собой.

Белое льняное кружево Солигалича довольно однообразно по рисунку. В последней четверти XIX века встречаются изделия с параллельными цепями ромбов. Ромбы поочередно заполнялись сеткой, разными решетками или фигурной розеткой. Чтобы кружево выглядело особенно эффектным, плетели (так называли мастериц – кружевниц) использовали скань – шерстяные нити ярких цветов.

Вероятно, искусство плетения кружев и впоследствии продолжало здесь свою жизнь, но плелось для своих нужд и мелкого обмена, а материалом служила далеко не тонкая льняная нить. Образцы кружева, созданные позже этого времени, не известны, но в деревне Шароново Буйского уезда некоторые старушки умели плести кружева даже в 1950-е годы. Когда-то сюда было продано из-под Солигалича три семьи крепостных. Представительница одной из этих семей – Анна Константиновна – была кружевницей. Она умерла в конце XIX века. После нее остался сундучок плетеного кружева разных рисунков, но, к сожалению, оно было сильно изношено. Однако факт этот говорит о том, что кружево плели не только в городах Галиче и Солигаличе, но и в окрестных помещичьих усадьбах.

В Солигаличе и других уездных городах Костромской губернии чаще всего плели мерные кружева – это прошва, край, аграмант. Кружево-прошва – это кружевная полоска, у которой обе кромки прямые. Такое кружево используется как отделочная полоса для соединения двух частей изделия. Кружевом-прошвой часто отделяют скатерти, наволочки для подушек, полотенца. Кружево-край – это полоса кружева, у которой один край прямой,

а другой зубчатый или волнистый. Такое кружево служит для отделки края полотенца, подзора, накамодника, а также может использоваться как окантовка или кайма на шитых изделиях. Кружево-аграмант – это кружево с зубцами вдоль обеих кромок. Форма данного кружева унаследована от металлического золотно-серебряного. Использовалось такое кружево в виде нашивок на изделия.

Из выше сказанного видно, что мерное кружево самостоятельного значения не имеет, оно предназначено для украшения изделий из тканей. Его узор, фактура и колорит создается с учетом имеющейся ткани. В другом случае – ткань подбирается к уже готовому кружеву. Допустим, полотенце изнашивалось, тогда оставшееся кружево использовали для нового. В этом случае композиция вышивки, ее цвет определялся кружевом. Эта особенность определяет его универсальность.

В каждой местности, где плели кружева, наряду с общепринятыми приемами получения ажурного узора, вырабатывались свои особенности орнамента, колорита, технических приемов. Это способствовало освоению и сохранению народных традиций.

В 1830-е годы XIX столетия начинается выпуск машинного тюля и кружева. В связи с этим ручное кружевоплетение пришло в упадок. Начиная с 1890-х годов в России стали организовывать школы кружевоплетения, к трехсотлетию дома Романовых в 1913 году действовало свыше 60-ти школ.

Заботу о сохранении предметов народного искусства проявила и Костромская губернская ученая архивная комиссия и Костромское научное общество. С целью восстановления былого мастерства, земством были организованы школы для крестьянских детей, в том числе и в Галичском уезде в деревнях Шокше и Челсме. В этих бесплатных школах дети 12–13 лет два месяца обучались у платной мастерицы-кружевницы. Вместе с девочками в одной из школ учился мальчик – Семен Савичев из деревни Апушкино. В 1979 году в Челсме еще сохранился дом-пятистенки, в котором в 1912 году

Образцы галичских кружев на коклюшках из фондов музеев Москвы и Санкт-Петербурга. XVIII век.

учились зимой дети из окрестных деревень. Эта школа просуществовала более 2-х лет. В те годы была жива и здорова Анна Дмитриевна Титова, которая нет-нет да и сядет за валик с коклюшками. Александра Александровна Иванова в Челсме и Анна Петровна Ларионова из Алушкино тоже учились в названной школе. У той же учительницы брала уроки Капиталина Михайловна Троицкая из Галича. В 1913 году была устроена выставка изделий народного творчества и на ней были представлены работы детей из деревенских школ.

Кружево галичское, солигаличское и других районов в музеях России и Костромы

Галичское кружево и Галич, как центр кружевоплетения упоминается во многих источниках: в книге Работновой И.П. «Русское народное кружево». – М. 1956 год; Фалеева В.А. «Русское плетеное кружево». – Ленинград, 1983 год и в других изданиях.

Коллекции Галичского и Солигаличского кружева хранятся в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге, Государственном историческом музее в Москве. Ранее данная коллекция кружев хранилась в костромском музее-заповеднике «Ипатьевский монастырь».

Много лет назад, а именно в 1980-х – 1990-х годах, мне посчастливилось изучать и описывать в фондах музея кружево Костромского района, сохранившееся в музее-заповеднике «Ипатьевский монастырь». Разными путями кружево поступало в музей. Часть экспонатов привозили сотрудники музея из экспедиций, другие кружева передавали в дар родственники, уже умерших к тому времени кружевниц. В музее имеются кружева из коллекций А.А.Ширского – члена Костромского научного общества и Яблокова А.П. – заслуженного врача РСФСР.

Уникальные кружевные изделия Галича полихромные, с изысканными цветовыми сочетаниями, с неповторимым орнаментом, тонкие и воздушные. Кружево выполнялось слабо-отбелённым или белым льном, цветным шел-

ком, золотной и серебряной нитью. Кружево Солигалича и других районов Костромской области имеет статус крестьянского. Его узор близок орнаменту вышивки и тканья. Формы мотивов обводятся рельефной нитью – сканью.

Коллекция изделий из музеев Костромы

Полотенце (подарочное).

Размер 232×425

Из собрания семьи заслуженного врача Яблокова А.П. полотенце поступило в музей в 1986 году. На нем имеется монограмма СФ, вышивка крестом и коклюшечное кружево в манере исполнения «гипюр-клюни». Кружево представлено прошивкой и краем, одного рисунка исполнения. Орнамент геометрический, в прошиве и крае расположены два ряда розеток, по центру кружева – ромбы, выполнены полотнянкой и сеткой в ползаплета, чередуясь. В середине розеток, образованных плетешками, выплетены ромбы полотнянкой, в центре которых расположены паучки из 6-ти пар. Фестоны образуются плетешками с отвивками и мелкими фестончиками по краю. Фестончики выплетены полотнянкой в перевив крайних пар с внешней стороны. Край пришива выполнен также полотнянкой из 5-ти пар, внутренний край – полотнянка из 2-х пар, внешний – в перевив всех, оставшихся, 2-х пар и пара ходовая. Край пришива – полотнянка из 5-ти пар, соединяется с центральной частью в полный заплет. Нитки тонкие, хлопчато-бумажные №60–80. Данное полотенце датировано приблизительно началом XX века.

Концы к полотенцу

Концы к полотенцу из собрания А.А.Ширского (член Костромского научного общества). Для плетения кружева использовали отбеленный лен. Выполнено оно в парной технике плетения. В кружеве присутствуют декоративная решетка «московская» и сетка в ползаплета, и усиленная решетка (увеличено количество перевивов), тоже в ползаплета. Фестоны ложные «зигзаг» выплетены сеткой в ползаплета

Прошивка к полотенцу Солигаличского уезда
Костромской губернии (предположительно).
Кон. IX – нач. XX вв.

Фрагмент подзора. Конец XVIII века.
Костромская губерния. Галич.

Образцы галичских кружев на коклюшках из фондов
музеев Москвы и Санкт-Петербурга. XVIII век.

Конец назеркального полотенца. Деталь.
Кон. XVIII в. Костромская губерния. Галич.

Край к полотенцу из коллекции А. А. Ширского.
Посл. чет. XIX в. Костромская губерния. Галич.

Конец полотенца. Кон. XVIII век.
Костромская губерния. Галич.

Подзор к детской кроватке. Первая пол. XIX в.
Костромская губерния. Галич.

Свес. Середина XIX – нач. XX вв.
Костромская губерния. Галич.

и усилены сканью из льняной нити. Узор центральной части кружева – геометрический, обведен по контуру утолщенной льняной нитью – сканью. Для украшения концов полотенца использована вышивка – «строчка-перевить». Мотив – растительный, изображены птицы-павы, смотрящие друг на друга и между ними расцвел геометризированный куст. Выше расположились птицы, летящие по направлению в одну сторону и стоящие друг за другом. Вышивка выполнена толстой красной нитью с обводкой по контуру.

Край к полотенцу

Край к полотенцу из собрания И. Ширского. Кружево выполнено на коклюшках в парной технике плетения. Использованы нитки – отбеленный лен № 30. Ширина кружева – 6 см.

Орнамент – геометрический, по центру цепочкой расположены в виде матрешки ромбы в ромбе, которые в свою очередь заключены в зигзагообразные полосы – «речку». Пересекаясь между собой, зигзагообразные полосы образуют маленькие ромбики. Все геометрические фигуры выплетены сеткой в ползаплета. Край пришива – ровный. Фестон ложный волнистый заканчивается плетешком их двух пар.

Вышивка – белая «строчка-перевить». Орнамент растительный, изображены воюющие барсы, одиночные цветы и квадраты. Вышивальщица, для выразительности узора, использовала обводку мелких деталей. Вышивка выполнена шелком светло-коричневого, стального и бежевого цветов. Для заполнения элементов узора были использованы виды вышивок – штопка и настил.

Подзор для детской кроватки

Кружево поступило в музей в 1989 году, размер 840×320. Кружево, вероятно, предназначалось для праздничного полотенца. Позднее его сшили из 2-х частей и использовали как подзор к детской кроватке. На этом примере хорошо видна универсальность коклюшечного кружева. Данное кружево, вероятно, относится ко второй половине XIX – началу XX столетия, галичского происхождения.

Кружево состоит из прошивки и свеса (так называлось кружево-край в Костромской губернии). Данное кружево выполнено на коклюшках в многопарной технике плетения. Для работы использовали слабо отбеленный лен №№ 80–100. Прошва и свес соединены между собой полосками белой ткани и широкой синей полосой с вышивкой, напоминающей буτονчики бежевого цвета.

Прошивка

Фон – двойная решётка (усиленная). По фону расположены геометрические фигуры, в виде «клинышков», образующих декоративные ромбы, в центре которых выплетена московская решётка и поочередно расположились птицы и кони, которые обведены тонкой шелковой сканью слабо отбеленного льна. Клинышки ромбов выплетены полотнянкой и обведены шелковой сканью синего и светло-коричневого цветов. В центре каждого клинышка расположены дырочки, которые придают определённую ажурность и декоративность кружеву.

Между большими ромбами по фону внизу кружева разместились малые ромбики-«пряники», внутри которых выплетена московская решетка, обведенная цветной шелковой сканью бирюзового и светло-коричневого цветов. Снаружи еще меньшие ромбики выплетены полотнянкой, в свою очередь также обведены шелковой нитью, светло-коричневого и бирюзового цветов.

Вверху прошвы выплетены элементы, похожие на «кустики», головки которых размещены вниз и вверх и также обведены шелковой сканью идентичных цветов. Линии пришива выплетены без заплета булавки. Вдоль краёв проходит волнообразная линия сканью из шелка светло-коричневого цвета с обеих сторон. Скань придает элементам кружева с одной стороны четкость и ясность прочтения узора, а с другой стороны смягчает контуры орнамента.

Свес

Для кружева использован тонкий слабо отбеленный лен №№ 80–100. Фон выплетен решёткой в ползаплета, на котором изображены

Фрагменты назеркальных полотенца.
Конец XVIII в. Костромская губерния. Галич.

Конец назеркального полотенца. Деталь.
Кон. XVIII в. Костромская губерния. Галич.

Свес к полотенцу. Кон. XIX – нач. XX вв.
Костромская губерния. Галич.

Сес к полотенцу. Реконструкция галичского кружева.
XX в. Сколок Т.А. Криницыной,
исполнитель М. Р. Морозова.

летающие в одну сторону птицы-«грифоны» и деревья. Элементы, присутствующие в прошве и свесе, характерны для Галичского кружева XVIII века.

Птица-«грифон» и деревья выплетены полотнянкой слабо отбеленным льном. По контуру птицы обведены шелковой сканью: хвост и крыло – синего цвета, голова и туловище – светло-коричневого цвета. Дерево тоже выплетено полотнянкой: верхняя часть его обведена шелковой сканью бирюзового цвета, нижняя – сканью светло-коричневого цвета.

Фестон сплетен полотнянкой в перевив пар по нижнему краю, а верхняя часть оформлена двойной шелковой сканью бирюзового цвета по форме его. Край пришива ровный без заплета булавки.

Край к полотенцу

Кружево относится к наиболее позднему периоду, галичского происхождения. Длина края 41 см., выполненного на коклюшках в парной технике плетения. Используются нитки – тонкий отбеленный лен. Узор кружева – геометрический, обведен толстой сканью отбеленного льна.

На фоновой усиленной простой решётке в ползаплёта расположены геометрические изображения, напоминающие «ёлочки и кусты». Для ажурности узора элементы выплетены сеткой в ползаплёта в сочетании с дырочками и обведены по контуру толстой сканью отбеленного льна. «Импровизированные «ёлочки и кусты», расположенные друг за другом, выплетены вниз головками.

Фестоны отсутствуют, но низ кружева оформлен двумя линиями более тонкой скани отбеленного льна, а край заканчивается отвивными петельками. Край пришива выплетен без заплёта булавки. Выше кружева расположена вышивка в технике по выдергу.

По разреженной поверхности ткани вышиты заполнения шерстью красного, синего и шелком – белого и бежевого цветов. Кружево и вышивку разделяет шелковая зеленая полоска ткани в 1,3 см.

Старинное коклюшечное кружево в современных моделях одежды

С 1999 года по 2001 год включительно мне посчастливилось работать на комбинате ЗАО «БКЛМ» (Большая Костромская льняная мануфактура) в творческой группе по созданию моделей одежды для предстоящих конкурсов и фестивалей. Моим партнером была знающая и любящая своё дело художник-модельер Смирнова Татьяна Александровна. Ею были созданы две коллекции одежды на Всероссийскую ярмарку-выставку «Российский лён» в Вологду и на наш областной конкурс тканей и моделей одежды «Лён в товары России – 2000», который проходил в городе Буйе Костромской области.

В мои, Криницыной Татьяны Александровны, обязанности входило оформление коллекций старинным, галичским, солигаличским и других районов Костромской области, кружевом. Для этой цели была скомплектована группа кружевниц из ранее обученных мною женщин. Под моим руководством кружевницы выплетали кружево по сколкам, разработанным мною по мотивам музейных находок. В 80-90-е годы я изучала и описывала имеющиеся образцы и сохранившиеся кружевные изделия в фондах музея-заповедника «Ипатьевский монастырь» г. Костромы.

Старинное коклюшечное кружево наших мест интересно тем, что оно выплеталось большим числом коклюшек, т.е. являлось многопарным, трудоемким, и плелось не на продажу, а для домашнего использования. Чаще это были концы обрядовых, праздничных или назеркальных полотенец, позоров, накидушек. Мотивы кружева хранили отголоски былых времен 18-19 веков, украшались завитушками рококо и силуэтами загадочных существ, птиц и грифонов. Белые льняные ячейки фона обведены яркой нитью, местами цветная нить проплетает фрагменты рисунка, создавая яркие акценты. Кружево хранит тепло души и рук кружевниц былых времен и не оставляет равнодушными наших современников, а у людей посвященных рождает желание прикоснуться, приобщиться, поработать в этой манере.

В разработанные Татьяной Александровной Смирновой модели одежды я должна была вписать мотивы кружева, прошвы, края и вставки для каждой из 12-ти моделей двух коллекций. Обе коллекции одежды для городов Вологды и Буя были выполнены из льняных тканей и нитей комбината ЗОА «БКЛМ» с применением льняного цветного коклюшечного кружева. Ткани и нити ткались и красились на комбинате по спецзаказу. Разработанные эскизы моделей были отшиты швеями в экспериментальной группе, специально созданной в швейном цеху.

Описание моделей

В 1999 году (Вологда 2-4 марта), коллекция одежды «Поэзия льна» и автор художник-модельер ЗАО «БКЛМ» Смирнова Татьяна Александровна получили высокую награду – диплом за современную подачу народных традиций во Всероссийской ярмарке-выставке «Российский лён». В данной коллекции были взяты за образцы экспонаты коклюшечного кружева из музея-заповедника «Ипатьевский монастырь». Коллекция состоит из 6-ти моделей одежды. Работа началась с составления сколков, а далее плетей-кружевницы выплетали метражи коклюшечного кружева. В конечном итоге модели одежды, отшитые профессиональным коллективом швей, получились очень необычными, а расширенный в меру книзу силуэт динамичен и выразителен. Полульняная ткань – диагональ, слабо отбеленная, хорошо сочетается с узкими и широкими рядами коклюшечного кружева в виде прошивок и свеса (края) из серого льна с применением красной, синей, желтой и золотистой скани. Мерное парное кружево имеет много общего с тесьмой фабричного производства, но при этом принципиально отличается от неё. Коклюшечное кружево намного богаче по фактуре, колориту, орнаменту. Оно воздушно, прозрачно придаёт изделию красоту и выразительность. Так и модели одежды данной коллекции вызывают чувство радости и удивления.

В 2000 году была создана коллекция одежды «Этническая» с применением коклюшечного кружева, машинной вышивки и аппликации. Первый показ был осуществлен 19 февраля

2000 года в городе Буйе Костромской области на Областном конкурсе тканей и моделей одежды «Лён в товары России – 2000». За эту коллекцию «Этнические мотивы современного города» в номинации «Дизайн с народными мотивами» художник-модельер ЗАО «БКЛМ» Смирнова Татьяна Александровна была удостоена 1 места.

В глубокой древности способность людей мечтать, вырываться за пределы повседневности, улетать в будущее родила художественное стремление делать жизнь красивой вокруг себя. Так и эта коллекция «Этническая» уникальна своей подачей исполнения. Она отличается от первой – многоцветностью, неповторимым своеобразием орнамента и силуэта.

Каждая модель индивидуальна, здесь сочетаются вставки коклюшечного кружева, машинная вышивка и яркая сочная аппликация, а также была использована ткань красного, зеленого и светло-серого льна. Так одна из моделей состоит из светло-ярко-красного «летника», расклешенного книзу, украшенного вставками коклюшечного кружева и аппликацией в виде куста с весенними зелеными листьями, по контуру оформленными машинной вышивкой.

Из такой же льняной ткани ярко-зеленого цвета выполнена кофта с кружевными вставками. Ансамбль данной модели дополняют капюшон светло-ярко-красного цвета с аппликацией, по контуру обрамлённый машинной вышивкой, и специально связанные на спицах чуни (вид обуви). Кроме всего прочего для моделей была изготовлена ручную бижутерию. Пластическое единство нерасчлennой формы моделей, декоративная сдержанная аппликация, вышивка и коклюшечное кружево – всё создаёт впечатление торжественности, величавости и простоты в исполнении данной коллекции.

В моделях одежды не было ни одной лишней детали, а оригинальность покроя, цветовое решение настолько обогащало образ каждой модели, что сделало его динамичным и торжественным, а плотная льняная ткань создаёт впечатление спокойной величавости, которая была свойственна древнерусской женской одежде.

Хочу поблагодарить за помощь в написании данной работы:

Туловскую Татьяну, которая по роду своей деятельности на тот период, собрала материал по коклюшечному кружеву Костромской области. С помощью Соголаевой Ирины был составлен каталог кружев со сколками. Это маленькое пособие крайне необходимо для изучения и дальнейшего развития кружевоплетения в городе Костроме. Благодарю Морозову Марианну за поддержку и корректорскую помощь. Благодарю Кусочкина Григория за помощь в оформлении каталога по кружево-плетению Костромской губернии. Благодарю Тисову Надежду, которая дала мне возможность поработать со старинными образцами кружева в фондах бывшего музея «Ипатьевский монастырь». Благодарю Елену и Любовь Трапезниковых за помощь в оформлении моих работ.

Литература

1. Мерцалова М.Н. Поэзия народного костюма. – М. Молодая гвардия, 1975.
2. Работнова И.П. Русская народная одежда. – М.: Легкая индустрия, 1964.
3. Работнова И.П. Русское народное кружево. – М., 1956, 1968.
4. Фалеева В.А. Русское плетёное кружево. – Л.: Художник РСФСР, 1983.
5. Климова Н.Т. Народный орнамент в композиции художественных изделий. – М.: Изобразительное искусство, 1993.
6. Богуславская И.Я. Русское народное искусство. – Л., 1968.
7. Брюханова Е.В., Шапов Я.Н. Ростовские старинные кружевные сколки из собраний Шаповых, Альбомкаталог. – Ростов-Великий, 2009.
8. Репин И. Е. Далёкое–близкое. – Л.: Художник РСФСР, 1986.
9. Донцов Э. Волшебные нити (Традиции народного творчества)// Газета «Красное Поволжье», 9 августа 1979.
10. Донцов Э. «Галичский реликт» (История кружевного ремесла в районе)// Газета «Ленинский путь», 1979. 30 августа.

Коллекция моделей «Поэзия льна» - одежда с элементами галичского кружева. Художник-модельер Т.А. Смирнова. 2000 год.

Коллекция «Этнические модели современного города». Т.А. Смирнова. 2000 год

*Масленица, Масленица,
Дай блинком полакомиться.
Прогони от нас метели,
Прокати на карусели.
Растопи холодный лёд,
Пусть весна скорей придёт!*

Марина КРЫЛОВА,
заведующая отделом культурных мероприятий
Музея-заповедника «Костромская слобода»

ГODOVOЙ ПРАЗДНИК «ШИРОКАЯ МАСЛЕНИЦА»

Масленица в народе могла иметь много названий: честная, обжорная, широкая, веселая да разорительная. Про нее сказывали: «целую неделю пела-плясала, ела-пила, друг ко дружке в гости хаживала, в блинах валялась, в масле купалась». Масленица отмечалась широко и в деревнях, и в городах, и все эти костромские обычаи забав и предвесеннего веселья легли в основу праздничной программы «Широкой масленицы» в Музее-заповеднике «Костромская слобода». И готовились мы к нему заранее, как того и требовал обычай.

«К Масленице в д. Берзиха начинали готовиться заранее. Лошадей к Масленице откармливали. Сбрую и шлею чистили до блеска. Сани были специальные, резные (свадебные). Сани украшали коврами, красивыми покрывалами. Лошадям вплетали в гриву и хвост цветные ленты. Перед Масленицей делали снежные горки и обливали их водой. На площади ставили соломенную бабу, высотой два или два с половиной метра». (Записано в 1994 г. у Е.В. Трефиловой в д. Берзиха. Шарьинского района Костромской области).

И далее: «К Масленице пекли блины и ходили друг к другу в гости. С утра начинали собираться на площади для игр. Лепили снежные бабы, играли в снежки. Люди катались на лошадях с песнями, частушками, с гармошкой. Катались и с горок. В три часа дня поджигали соломенное чучело, когда оно догорало, через него начинали прыгать».

Со слов же моей бабушки, Прасковьи Демьяновны Соловьевой (1904–1985), родилась она в д. Горки Сусанинского района Костромской области, Масленицу встречали блинами, которые раскладывали на возвышенных местах «горках», при этом приговаривали: «Приезжай ко мне в гости, Масленица, на широк на двор:

на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться!», а еще и припевали: «Масленица годовая, Гостья наша дорогая! Она пешей к нам не ходит, всё на конях приезжает. У ней кони вороные, слуги молодые».

Понедельник – встреча Масленицы – ознаменовалась в этом году открытием в Музейно-выставочном центре (ул. Советская, 41) передвижной выставки работ участников Областного конкурса масленичных кукол «Государыня Масленица – 2017».

*Едет масленица дорогая,
Наша гостыюшка годовая.
На саночка расписных,
На кониках вороных.*

По итогам конкурса Дипломами Победителей были отмечены:

1 место – «Девушка-Мареница» – семья: Жовнер Елена Владимировна, Полина Алексеевна и Смирнова Татьяна Александровна.

2 место – «Маслена» – коллектив школьников: Смирнова Даша кл. 8Б, Берендюгина Версалия, кл. 8А из СОШ №19 Костромы.

3 место – «Красная девица» – Стренковская Анастасия – 11 лет, рук. В.А. Яковлева из СОШ № 37 Костромы.

Специальным призом была отмечена кукла «Матрена» – Сабетов Артём, 3Б класс и Сабетова Полина, 2Б класс из СОШ № 14 Костромы.

*Широкая масленица, мы тобою хвалимся.
На горах катаемся, блинами обедаемся.
Маслена, маслена, куда ты идешь?
Потеряла лопаточки, не найдешь!!!*

Среда – лакомка. По традиции в этот день угощали во всех домах блинами и другими яствами. Молодожены (семейные пары, прожившие менее года) приходили в гости «к теще на блины». В нашем варианте к героине этого дня масленичной недели постучались «зятя» и «соглядатаи», друзья – коллектив хора ветеранов «Хорошее настроение» Свердловского района Костромы и молодежного объединения инвалидов «Белый дельфин», активного участника всех культурных мероприятий музея-заповедника «Костромская слобода».

С Широкой Масленицей!

Конкурсная работа студии «Лоскутные штучки».

Масленичный конкурс «Ледяной столб» с подарками.

Молодецкие забавы.

Хор ветеранов на Широкой Масленице.

Мастер-класс по кузнечному мастерству.

Показательные выступления
ратоборческого клуба «Буян».

Верхом
на лошадке катались!

Участницы театра моды Костромского колледжа
бытового сервиса на празднике.

Гори-гори ясно!

На «тещиной вечерке» угощались не только вкусными блинами, но и задорными песнями. «Похвалялась» музейная «теща» перед гостями изобилием «обереговых» кукол, представленных в музее-заповеднике на городском конкурсе декоративно-прикладного творчества «Домашняя Масленица». Открытие его состоялось в ходе интерактивной программы фольклорного ансамбля «Матица» сотрудников музея.

По итогам конкурса были отмечены дипломами Победителей: Макаров Артем, МБДОУ Д/с № 62 – кукла «Костромская красавица»; Адамян Василиса, МБДОУ Д/с № 62 – кукла «Костромская девушка»; учащиеся кружка «Рукоделие», рук. Яковлева В. А. МБОУ СОШ № 37 – кукла «Травница»; Васильева Мария и Петрова Ксения, Красносельский р-н, дер. Ченцы; Ченцовский центр помощи детям, рук. Кризская О. Г. – кукла «Дунюшка-бегинюшка»; Полоскин Сергей Григорьевич, студент, рук. Смирнова Е.С., Костромской колледж бытового сервиса – кукла «Масленица»; Ошарина Ульяна Николаевна и Гусева Ольга Андреевна, Костромской колледж бытового сервиса – кукла «Клавдия»; Быстрова Наталья Владимировна, г.Чухлома – кукла «Чухломка»; Новожилова Елена Петровна, г. Нерехта – кукла «Масляница»; СпецПриз – Студия «Лоскутные штучки», рук. С.А. Смо-

ленко; «Мы с Маланью вдвоём очень весело живём» – Студия «Витиеватые забавы» – кукла «Хозяюшка» – «Белый дельфин».

Последний день масленичной недели – Прощённое воскресенье Родственники и друзья ходят друг к другу не праздновать, а с «повинением», просить прощения: «Прости меня, в чём я виноват или согрешил перед тобой». «Бог тебя простит, и я прощаю», – отвечал собеседник.

*Прощались и мы с Масленицей в воскресенье:
Ты прощай, прощай, наша Масленица!
Ты пришла с добром, с сыром, маслом и яйцом,
Со блинами, с пирогами, да с оладьями.
Блины масленые, шаньги мазанные,
А сегодня воскресенье, наше кончится веселье.
Ты прощай, прощай, наша Масленица!*

Масленичные ритуалы давно стали веселыми игровыми обрядами, а обилие адаптированных для праздника забав, веселых состязаний, театрализованных представлений да народных игр – просто неисчерпаемы.

Именно это было продемонстрировано участниками областного фестиваля-конкурса развлекательно – игровых программ «А мы Масленицу величаем!». Особенностью фестиваля 2017 года стало более глубокое погружение в народные традиции, как Костромского края, так и соседних областей.

Участниками и победителями Масленичного фестиваля стали: фольклорный коллектив «Школы традиционной народной культуры» областного учреждения дополнительного Вологодской области из г.Вологды; уличный студенческий театр «Теремок» Костромского политехнического колледжа (рук. Гордеев Ю.С.); молодежная команда 9«В» класса СОШ № 27 г. Костромы (кл. рук. Изох В.А.); творческий коллектив «Лидер» Дворец творчества г. Костромы (рук. Шибаева Е.М.); юношеская команда КООМОИ «Белый дельфин» (зам. рук. Ушанова И.А.). По многочисленным положительным отзывам публики отдельно были отмечены творческие площадки: молодежной команды «Товарищ» (рук. Фираго Д.В.), Исторического театра «РЯД» (реж. Т.Г. Ноздрина) и «Театр моды» Костромского колледжа бытового сервиса (рук. О.Г.Барашкова).

Программа праздника «Широкая Масленица» предусмотрела все возможные развлечения для гостей: от «Ярмарки мастеров народных промыслов», катания на лошадях в «саях-розвальнях» или по желанию «верхом»; участие в спортивных состязаниях «Молодецкие забавы» или прогулке в «саночках», запряженных собаками; катание с гор, участие в игровых развлекательных программах, в том числе и Петрушкой – героем Масленичных балаганов. Гости «вкушали» традиционные масленич-

ные угощения», а разноплановость программ праздника дала возможность каждому участнику найти для себя понравившееся занятие: мастер-класс по плетению из «бумажной лозы», концерт цыганской музыки или театрализованное представление, фото сессии или наслаждение пением народных коллективов Костромской области, солистов – Милоша Ловченского и других. Неизменным зрелищным представлением «Богатырских» состязаний порадовал гостей народного гуляния Клуб исторического фехтования «Буян» (рук. С.В.Торопов).

В «Широкую Масленицу» звучало множество песен, прибауток, приговоров и частушек от гостей и именитых артистов. Так костромичка Татьяна Алексутина, солистка хора ветеранов (рук. О.В.Егорова) восхитила всех своими искрометными масленичными частушками, а участники фольклорного ансамбля «Матица» из числа сотрудников музея вовлекли гостей праздника в традиционный масленичный обряд «Медведя будить», который увенчал всё действие ритуалом «сожжения соломенного чучела». В догорающий костер участники праздника бросали снежки приговаривая: « Все плохое уходи, а хорошее приходи!».

Вот так весело и задорно встретили и проводили Масленицу в музее-заповеднике «Костромская слобода»!

Работы победителей конкурса «Домашняя Масленица»: А. Макарова, В. Адамян, К. Петровой, М. Васильевой.

Работы победителей конкурса «Домашняя Масленица»: У. Ошариной, О. Гусевой, Н. Быстровой.

Светлана ДЕРЕПАЦУК,
методист Музея-заповедника
«Костромская слобода»

ВЕРНИСАЖИ В МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОМ ЦЕНТРЕ

Светлана Смоленко:
«Я люблю наблюдать природу»

Светлана Анатольевна Смоленко, мастер лоскутного шитья, вышивки и множества рукодельных техник. Она неоднократный победитель международных конкурсов и Всероссийских фестивалей женского рукоделия. Знакомство посетителей и специалистов в области декоративно-прикладного народного творчества с коллекцией авторских панно Светланы Смоленко и работами студии «Лоскутные штучки» стали первым шагом выставочного проекта «Слободская ярмарка» в Музейно-выставочном центре (Советская, 41 а). Здесь планируется представить всё разнообразие народных ремёсел Костромского края.

Лоскутный мир Светланы Смоленко – это тканевая аппликация, вышивка, батик, художественная стёжка – родился, когда Светлана Анатольевна, по профессии инженер-конструктор, вышла на пенсию. В 2002 году она увлеклась лоскутным шитьём и стала участвовать в выставках, фестивалях народного творчества. Работы Светланы Анатольевны занимали призовые места, к мастеру потянулись ученики. И в 2008 году она возглавила студию «Лоскутные штучки», которая активно и плодотворно работает по сей день. Студийцы дружат с подобными клубными объединениями Ярославля, постоянно повышают уровень своего мастерства и достойно представляют Кострому на конкурсах лоскутного шитья различного уровня.

Персональные выставки С. А. Смоленко, коллективные выставки с участием её работ проходили в Костроме, Владимире, Иваново, Ярославле, Москве, Гатчине. Работы экспонировались

Выставки

С. А. Смоленко на авторской выставке
в Музейно-выставочном центре музея-заповедника
«Костромская слобода».

Панно «Любимому городу посвящается».
Лоскутная техника.

Триптих «Храните Русь в узорах и напевах».

Триптих «Праздники. Вербное воскресенье, Пасха, Яблочный Спас».

в Англии, Франции, Японии. Участвовали в передвижных выставках по городам России.

Главные темы, покоровшие сердце мастерицы – природа и Кострома. Светлана Анатольевна предпочитает не геометрическое направление лоскутного шитья, а аппликации, что даёт возможность живописать лоскутками пейзажи, натюрморты, городские виды, как реальные, так и сказочные.

Из интервью: «Мастерство в руках уже было до выставок – у меня росли две дочери, которых я сама одевала, сложно было тогда с красивой одеждой. Мне нравилось работать с тканью. Машинка была мамина, фирмы «Зингер». Рисовать любила с детства, эскизы делаю сама.

В декабре 2003 года поехала на фестиваль лоскутного шитья. В первой моей работе было больше вышивки, я тогда проходила курсы в «Истоках» у Смирновой Людмилы Анатольевны. И с тех пор постоянно учусь, техник освоила множество и каждую показывала в студии своим ученицам. Скоростное лоскутное шитьё, «пицца», роспись по ткани, валяние, фильцевание, каучинг, аппликация, объёмные элементы. Каждый навык показываем в студийных работах. А сюжеты приходят из жизни. Я люблю наблюдать природу. Речкой люблюсь цветами, деревьями, птицами. Зимой хожу, графичность разглядываю, думаю, как иней передать на ткани.

Работа «Окно», например, создавалась два года. Уникальность в том, что все элементы реальные. Мы много фотографировали резьбу костромских окошек – именно эти резные фрагменты я включила в композицию своего лоскутного окна.

Клуб «Лоскутные штучки» – моя семья. Я там отдушину вижу. Поддерживаем друг друга, шьём подарочки, ездим в гости – в Ярославль, в другие клубы, на мастер-классы. Я работаю всегда, постоянно. Когда любишь свою работу, так оно и бывает. Открыла в себе удовольствие совершенствования, и этот творческий рост даёт энергию жизни».

**Выставка
«Лоскутная мозаика»
Алевтины Шевалдиной**

А. В. Шевалдина.

Шевалдина Алевтина Васильевна, признанный мастер, работающий в редкой технике лоскутного шитья «ляпочихе». Она представила ретроспективу своих работ в Музейно-выставочном центре (Советская, 41а).

Выставка «Лоскутная мозаика» открылась 14 февраля в юбилейный день рождения Алевтины Васильевны и собрала не только зрителей и почитателей таланта мастерицы. Пришли родные, друзья, костромские мастера, творческие коллективы из Караваево, где базируется студия «Мастерство», которой более 30 лет руководит Алевтина Шевалдина.

Более двух десятилетий Алевтина Шевалдина занимается этим и другими видами лоскутного шитья. Работы её экспонировались на выставках во многих российских городах, а также в Молдавии, Японии, Германии, Великобритании и Нидерландах. Работы путешествовали по миру и некоторые оставались в частных коллекциях.

Панно «Ромашковый луг». Ляпачиха. 2017 год.

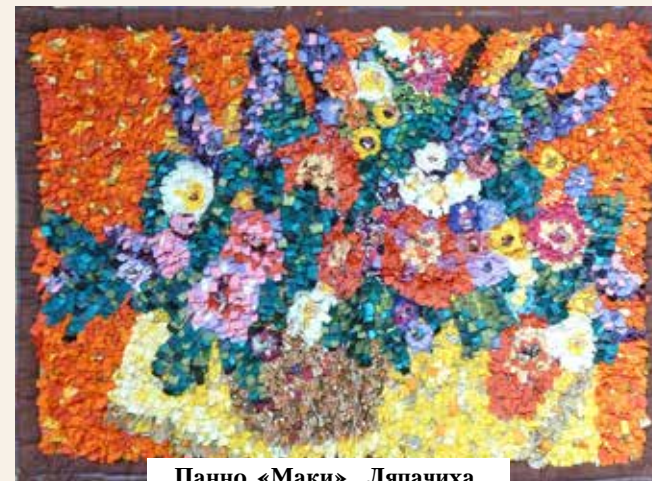
Панно «Старый город». Ляпачиха. 2002 год.

Панно «В душе моей цветут цветы». Ляпачиха. 2016.

Панно «Благовещение» Ляпачиха. 2002 год.

Панно «Маки». Ляпачиха.

Панно «Ранний снег». Ляпачиха. 2014 год.

Панно «Старый город». 2002 год.

Панно «Осень в деревне». Ляпачиха. 2002 год.

Панно «Импровизация». Ляпачиха. 2005 год.

Панно «Чтобы лето не кончалось». Ляпачиха. 2006 год.

Панно «Сирень вне времени». Ляпачиха. 2012 год.

В перечне значимого: неоднократное участие в международном фестивале «Евроквилт» в Бирмингеме (Великобритания). Алевтина Васильевна была неоднократным лауреатом Всероссийского фестиваля «Лоскутная мозаика России» и других фестивалей и конкурсов, она лауреат областной премии имени Е. В. Честнякова в номинации «Мастер». Этим званием она была отмечена за творческие достижения в области народных ремёсел и декоративно-прикладного творчества (2007 год). Студия «Мастерство», которой руководит А. В. Шевалдина, представляла Костромскую область на фестивале «Русь православная», посвященном 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского в Сергиевом Посаде Московской области, а также на других российских и международных фестивалях и конкурсах.

Способ лоскутного шитья «ляпачиха» и прост, и крайне трудоёмок. Он требует не только швейного труда, но и художественного мастерства. Лоскутки равноценны мазкам краски в живописи, потому важны и композиция, и чувство цвета, и владение перспективой. «Ляпачиха» завораживает. Смотришь в корень – простота, всего лишь нашитые рядами лоскутки. Глядишь издалека – фантастика, картины маслом, жирными мазками, мастихином пастозно... Можно бесконечно говорить о переданной перспективе, композиционном решении, цветовых перетеканиях, о воспроизведении различных фактур, о насыщении плоского пространства воздухом. Но слова словами, а тянет-то прикоснуться. Погрузиться. Ведь плоскость панно – лишь видимость. Здесь глубина, мистика, история притаилась между тканевыми «ляпками». Они шепчут свои сказки, уводят зрителя в мир внутренней жизни, в лоскутное зазеркалье.

И зрители оценивают её творчество так: «У Алевтины Васильевны золотые руки, талант, любовь к родному, русскому...».- Лебедев Г.М.; «Ваши картины похожи на произведения импрессионистов, это настоящие шедевры...» – Дубровина В.Н.; «Сколько радости, восторга, тепла и света в душе мастера! Поделиться с нами, зрителями – это тоже талант...»- И. Соловьёва». (Цитаты из книги отзывов).

Выставка «Живопись иглой»: авторские работы и коллекции собирателей

Один из авторов выставки Людмила Хайнацкая.

Ручная вышивка во всех своих проявлениях стала темой третьей, мартовской выставки проекта «Слободская ярмарка» Музейно-выставочного центра. Самое распространённое женское рукоделие было представлено здесь несколькими коллекциями. Современный взгляд на вышивку гладью отражает выставка работ «Живопись иглой». Цветы, натюрморты, пейзажи, выполнены в трудоемкой технике рисовальной глади, принадлежат Людмиле Хайнацкой и её маме, Татьяне Смирновой. Другая творческая династия – Мария Веселова и её мать Альбина Находкина, они предложили вниманию гостей выставочного зала работы в технике вышивки крестом.

Большое место занимают сохранённые и предоставленные костромскими мастерицами и коллекционерами произведения костромских вышивальщиц (от начала XX века до наших дней). Например, из большого собрания женских рукоделий Елены Любимовой. Здесь вышивки на одежде, дорожки, занавески, ковры, скатерти и многое другое. Техники: гладь, крест, ришелье, мережка и другие. Эти вышивки показывают красоту обыденной жизни ушедшего века, значимость вышивки не только эстетическую, но и обрядовую, когда процесс вышивания имел не столько цель украсить, сколько уберечь, защитить. Когда вышивка рассказывала историю жизни её обладателя. Экспозиция дополнена подлинными предметами крестьянского быта, рисунками народного костюма.

Фрагменты экспозиции «Живопись иглой».

Татьяна Афиногентовна Смирнова, мастерица вышивки гладью, рассказывает: «Я очень любила рисовать с детства, но поучиться возможности не было, мы дети войны. Вместо рисования у меня – вышивка. Вышивать начала поздно, когда появилось свободное время. Моя дочь тоже вышивает, но одной рукой, а я двумя, одна рука снизу, другая сверху, долго не канителюсь. Сейчас повишивать очень хочется, и нитки появились такие красивые...» К беседе подключается её дочь, Людмила Хайнацкая: «Мама вышивала много, любила делать наволочки, дорожки на стол. Затем она начала вышивать пейзажи, бабочек, картины. Так получилось, что когда я начала вышивать, она закончила, из-за проблем со зрением. Но преемственность продолжается, и внук Миша уже подключился, вот вышил цветы, работает над птицей. Он увлекается армейским рукопашным боем, а с помощью вышивки тренирует сосредоточенность и внимательность. Стежок за стежком – и вдруг раскрывается цветок, возникает пейзаж. Сложная и кропотливая это работа... Рада, что этот выставочный центр открылся. У вас здесь как в сказке. Уютно, как в родных стенах, и здесь русский дух».

За чайным столом гости выставки и мастерицы устроили дискуссию о значении вышивки. Те, что постарше, припоминали, как были украшены дома их родителей, бабушек. Вышивки были в виде картин на стенах, вышиванием разного рода – ришелье, прошивами, мережкой, гладью – оформлялись занавески на окнах и на межкомнатных дверях. Салфетки с вышивками украшали комоды, столы, подоконники, спинки кресел. Вышитые подушечки-думки во множестве были на кроватях, диванах. Убранство постели было самым высокохудожественным. Тут и подзоры, и задержушки на боковых спинках кроватей, и постельное бельё, украшенное разными видами вышивки, и спальные сорочки... Многие припомнили, о многом помечтали. К слову, оказалось, что почти у каждой есть знакомый мужчина, занимающийся женским рукоделием. Брат вяжет, внук вышивает. Один из таких мастеров признался, что этот кропотливый процесс «дефрагментирует мозг», помогает думать и искать решение, своего рода йога для ума.

НАРОДНАЯ ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА «СЕВЕРНАЯ БЕРЕГИНЯ»

Русская народная тряпичная кукла имеет свою историю и богатые традиции. В истории крестьянской России немало места отведено различного рода обрядам и предметам, связанным с тряпичными куклами. Используя кукол в обрядах, люди просили любви, здоровых детей, безбедной семейной жизни, богатых урожаев да долгих лет жизни своим близким. Поэтому в обрядах и отводилось особо почётное место замечательным творениям рук человеческих – куклам-оберегам.

Вот, например, одна из таковых кукол-оберегов для дома и его жильцов – «Северная берегиня». Моя бабушка ещё называла такую куклу «Трепцётка», она напоминала народный музыкальный инструмент – трепцётку. Чаше всего её ставили в северный угол избы, реже напротив дверей. По рассказам бабушек стало известно, что «Северную берегиню» нужно изготавливать из небольших лоскутков ткани предпочтительно ярких расцветок, от ношеной одежды разновозрастных членов семьи, впитавшей в себя их энергетику, от этого кукла будет оберегать жилище ещё сильнее, приносить благополучие в дом и охранять его покой. А если мастерить «Северную берегиню» для постороннего человека, то все лоскутки нужно взять только от его уже ношенных вещей, в этом случае обережные силы куклы только умножатся. (Записано у Соловьевой Парасковьи Демьяновны, 1904 г.р., д. Горки Сусанинского р-н).

Хотя, если высобираетесь делать куклу в подарок, тогда не поспешите на кусочки новых тканей. Так же следует запастись прочными красными нитками. Красный цвет считали наши предки обережным. С этой же целью и материю следует брать красного цвета. Ещё хотелось бы предостеречь в том, что при изготовлении обереговых кукол не применяются колющие и режущие инструменты.

Следовательно, ткань для куклы не режется ножницами, а рвётся, поэтому в обиходе и называли такую ткань «рванина» (легко поддающаяся разрыву руками).

Мастер-класс

Для изготовления куклы «Северная берегиня» потребуется: 7 разноцветных лоскутков ткани размером примерно 8 x 20 см (тело куклы), белая и красная полоска ткани 4 x 10 см (голова) и 1 красный лоскуток ткани 12 x 12 см (для рук и платка), красные нитки.

Начнем все по порядку. Каждый из 7 одинакового размера лоскутков ткани сгибаем вдоль пополам, а затем каждый край так же сгибаем пополам к середине. В результате получается 7 тонких тканевых полосок. Складываем все полоски вместе – одна на другую, чередуя темные с более светлыми, затем перегибаем пополам (тело куклы). Отдельно готовим «лицо»: однотонные, но контрастные полоски ткани (белая и красная, например), предварительно сложенные по длинной стороне пополам, скручиваются вместе в рулончик. «Лицо» помещается в центр «тела куклы» и по внешнему лоскутку перевязывается красными нитками. Туловище и голова куклы готовы.

Приступаем к изготовлению рук и платочка. Для этого берем квадратный лоскуток, отгибаем два противоположных угла (на 1 см) во внутрь. Затем примерно на 5 мм сгибаем все стороны лоскутка и складываем полученный квадрат по диагонали пополам. Получился платок в форме треугольника, два подготовленных ранее уголка перевязываем красными нитками – это будут ладошки кукол. Надеваем получившийся платок с руками на голову куклы и еще раз перевязываем его красными нитками. Наша куколка-оберег «Северная берегиня» готова.

Марина КРЫЛОВА

Литература

И.Лыкова. Мои куколки. Мастерим игрушки из лоскутков». – Волгоград: Изд. дом «Цветной мир», 2013. – С. 4–5.

«КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА»

Художественно-этнографический альманах

Электронное издание Костромского архитектурно-этнографического
и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода».

Выходит с 2013 года.

Сайт: <http://www.kostrsloboda.ru>

Выпуск №1 (12) 2017 год.

Издание рекомендовано к печати научно-методическим советом
Музея-заповедника «Костромская слобода».

Под общей редакцией А.И. Митина,
директора Музея-заповедника «Костромская слобода»
Редактор-составитель – Т.Г. Гончарова,
учёный секретарь Музея-заповедника «Костромская слобода».

Дизайн – И.В. Васильев
Компьютерная верстка – Т.А. Свешникова
Художник Ольга Швейцер

Фото:

Александр Журавлёв, Татьяна Гончарова, Светлана Дерепашук,
а также снимки из архива музея-заповедника «Костромская слобода»

Объем: 10 п.л. При использовании материалов выпуска или их фрагментов
ссылки на издание обязательны.

Адрес редакции:

156000, Кострома, ул. Советская, д.41 а. Телефон: 31-31-12.

Email: kostsloboda-us@mail.ru

КОСТРОМСКОЙ АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА

156004, КОСТРОМА, УЛ. ПРОСВЕЩЕНИЯ 16, ТЕЛ.: (4942) 37-38-72, ФАКС: (4942) 37-25-73